РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ XXIV

СЕВЕРНАЯ РУСЬ И НАРОДЫ БАЛТИКИ

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ
2007

В статьях сборника анализируются новейшие материалы раскопок двух наиболее значительных центров Поволховья — Ладоги и Рюрикова городища (древнейшего Новгорода), а также локальных центров Северо-Запада — городища на р. Сяси и Передольского погоста на р. Луге. Показаны многосторонние связи этих поселений с регионом Балтики и их роль в социально-экономическом развитии района.

Издание рассчитано на археологов и историков.

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН *Е. Н. Носов* (ответственный редактор),
Т. С. Дорофеева, В. Я. Стеганцева, Н. В. Хвощинская

Художник *Г. А. Кузнецов*
Компьютерная верстка *Р. К. Жумабаев*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Отделения историко-филологических наук по программе фундаментальных исследований «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» согласно проекту № 10115-218

Заказы присылать по адресу
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 498 41 26
E-mail: dbulanin@sp.ru
http://www.dbulanin.ru

ISBN 978-5-86007-552-8

© ИИМК РАН, 2007
© «Дмитрий Буланин», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4

Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская. Связи населения центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX—X вв. 6

А. В. Плохов. О связи нижнего Поволховья с Западной Европой по керамическим материалам 18

В. М. Горюнова. Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси 45

О. И. Богуславский. Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных североевропейских древностей 90

Н. В. Хвощинская. Бронзолитейное производство Рюрикова городища в IX—X вв. 123

Н. И. Платонова, Т. А. Жеглова, Ю. М. Лесман. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте 142

А. Н. Кирпичников. Новые материалы о международных торговых связях средневековой Ладоги с Балтийским регионом и странами Востока (по данным раскопок 2002 г.). 195

Е. Н. Носов, Н. И. Платонова, В. И. Кашкевич, Н. Н. Блохин, М. В. Шитов, М. П. Кашкевич, Б. С. Короткевич. Шум-гора: проблемы междисциплинарного неразрушающего исследования памятника 221

Список сокращений 232

ДРЕВНЕРУССКИЙ ПРОТОГОРОДСКОЙ ЦЕНТР НА ПЕРЕДОЛЬСКОМ ПОГОСТЕ[1]

Н. И. ПЛАТОНОВА,[2] Т. А. ЖЕГЛОВА,[3] Ю. М. ЛЕСМАН[4]

Введение. В X в. на северо-западе Новгородской земли возникает и быстро развивается целая серия крупных поселений, которые можно трактовать как локальные административные центры. Их основными характеристиками являются: а) сравнительно большая площадь (по крайней мере, для периода, указанного выше); б) явно прослеживаемые остатки ремесленно-торговой деятельности; в) сочетание (как правило) укреплений и обширного открытого посада.

На рубеже I—II тыс. н. э. эти локальные центры приближаются по своему облику к «малым городам». Однако в XII—XIII вв. они либо исчезают, либо превращаются в рядовые сельские поселения. Видимо, тут и лежит причина «молчания» о них средневековых письменных источников. В верхнем Полужье и Поплюсье к указанной серии «городков» достоверно относятся Передольский и Косицкий погосты. Не исключено, что более масштабные исследования позволили бы увеличить список подобных памятников (рис. 1). Изучение их представляет немалый интерес для историка. При отсутствии письменных сведений, источниковедческую базу здесь составляют исключительно археологические, нумизматические и сфрагистические материалы. Комплекс археологических памятников у Передольского погоста — центра Шелонской и Вотской пятин является в этом плане одним из наиболее перспективных для исследования и в настоящее время наиболее изученных.

Данный комплекс включает обширное древнерусское поселение (городище и селище) и непосредственно прилегающие к нему памятники — сопки, ряд культовых камней и, по-видимому, остатки древнерусского могильника (курганов?) (Платонова, Алексашин 2002). Передольское поселение расположено на левом («горнем») берегу р. Луги, в черте современной дер. Подгорье Батецкого района Новгородской области и к югу от нее (рис. 2—3). Пятно интенсивно окрашенного культурного слоя (по местной терминологии: «черная земля») имеет общую площадь около 9 га (рис. 2), что подтверждено шурфовкой в различных частях поселения, поверхностными сборами, а так-

---

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Фундаментальных исследований ОИФН РАН № 9,1 (проект «Северная Русь и народы Балтики») и РФФИ (проекты № 04-06-80384а; 04-06-88009 и 05-06-88024).

[2] ИИМК РАН, Санкт-Петербург.

[3] Санкт-Петербургский городской дворец творчества юных.

[4] Государственный Эрмитаж.

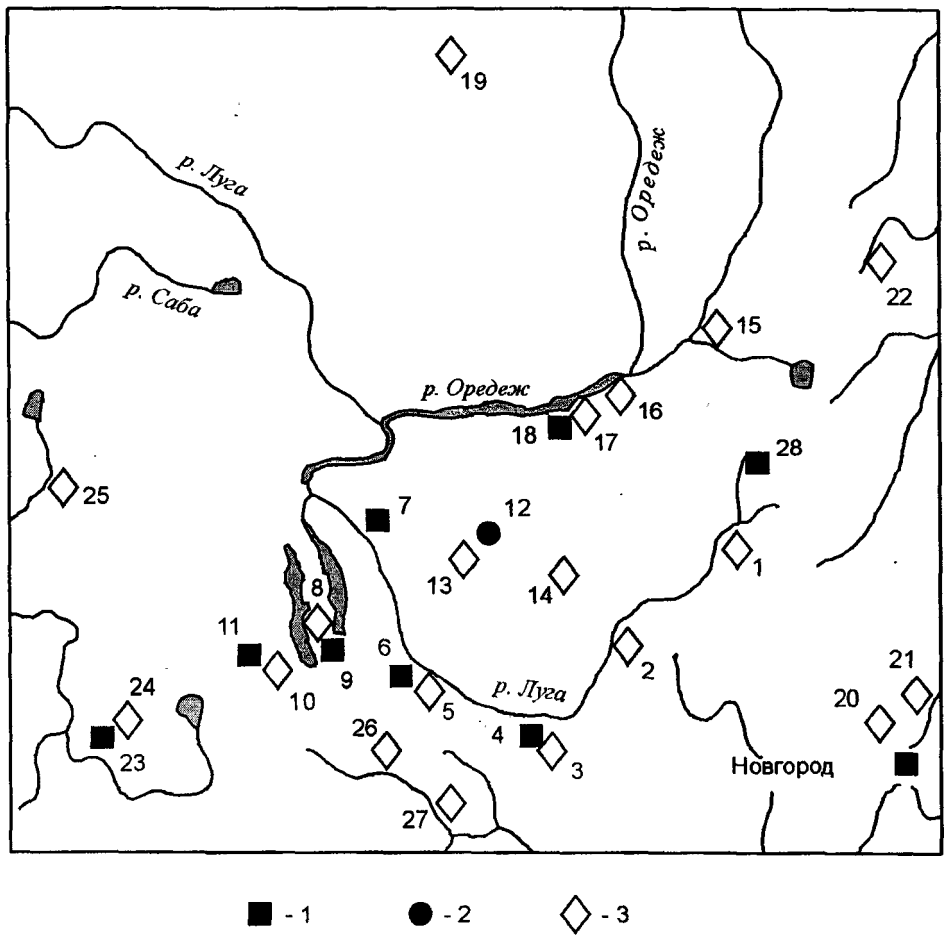

Рис. 1. Локальные центры X—XII вв. и погосты писцовых книг на Северо-Западе Новгородской земли (верхнее Полужье и сопредельные районы). 1 — пог. Луский; 2 — пог. Сабельский; 3 — пог. Косицкий; 4 — Косицкое; 5 — пог. Передольский; 6 — Передольское; 7 — Подгородье; 8 — Бутковичи; 9 — пог. Петровский; 10 — пог. Дремяцкий; 11 — Городец под Лугой; 12 — Удрай I—II; 13 — пог. Городенский; 14 — пог. Хрепельский; 15 — пог. Тесовский; 16 — пог. Спасский на Оредеже; 17 — пог. Будковский; 18 — Надбелье; 19 — пог. Орлинский; 20 — пог. Кречневский; 21 — пог. Пидебский; 22 — пог. Гдитцкий; 23 — Которск; 24 — пог. Которский; 25 — пог. Бельский; 26 — пог. Фроловский; 27 — пог. Турский; 28 — Курская гора.

Условные обозначения: 1 — укрепленное поселение; 2 — селище; 3 — погост XV—XVI вв.

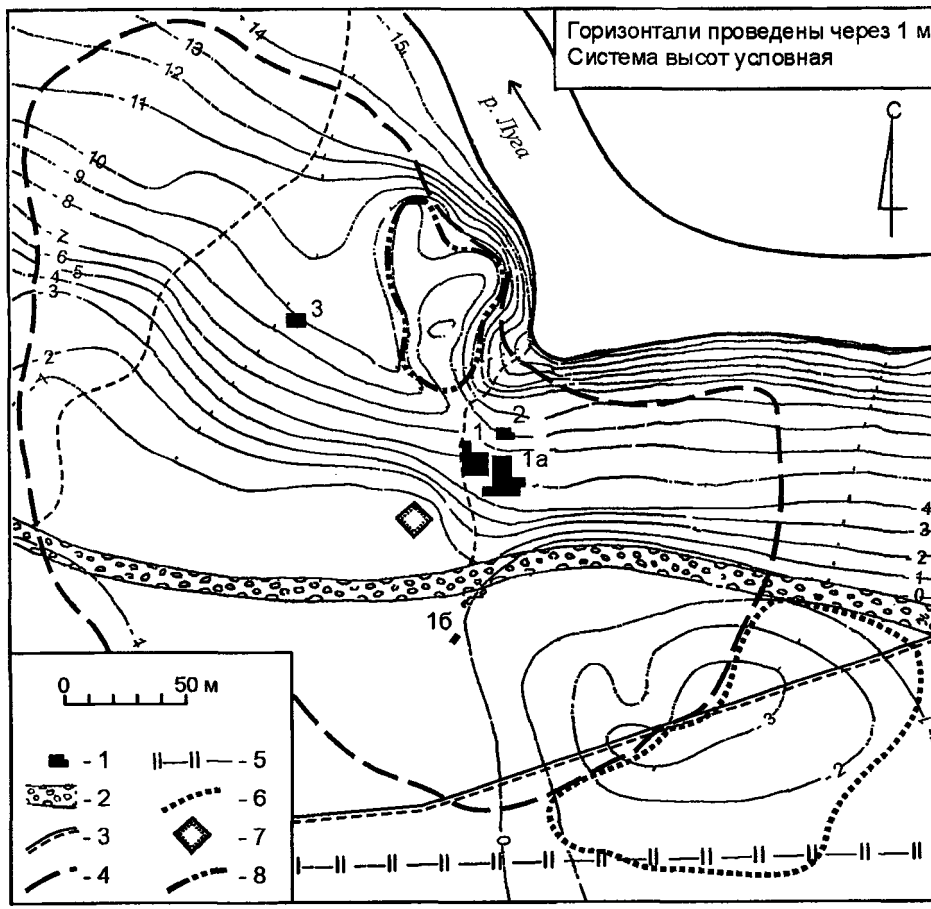

Рис. 2. Передольский погост. План поселения с привязкой основных раскопов.
Условные обозначения: 1 — раскопы 1985—2005 гг.; 2 — дорога Луга — Медведь; 3 — тропинка; 4 — граница распространения культурного слоя («черной земли»); 5 — линия ЛЭП; 6 — граница распространения подъемного материала; 7 — руины каменной церкви Воскресения Христова; 8 — предполагаемая граница городища

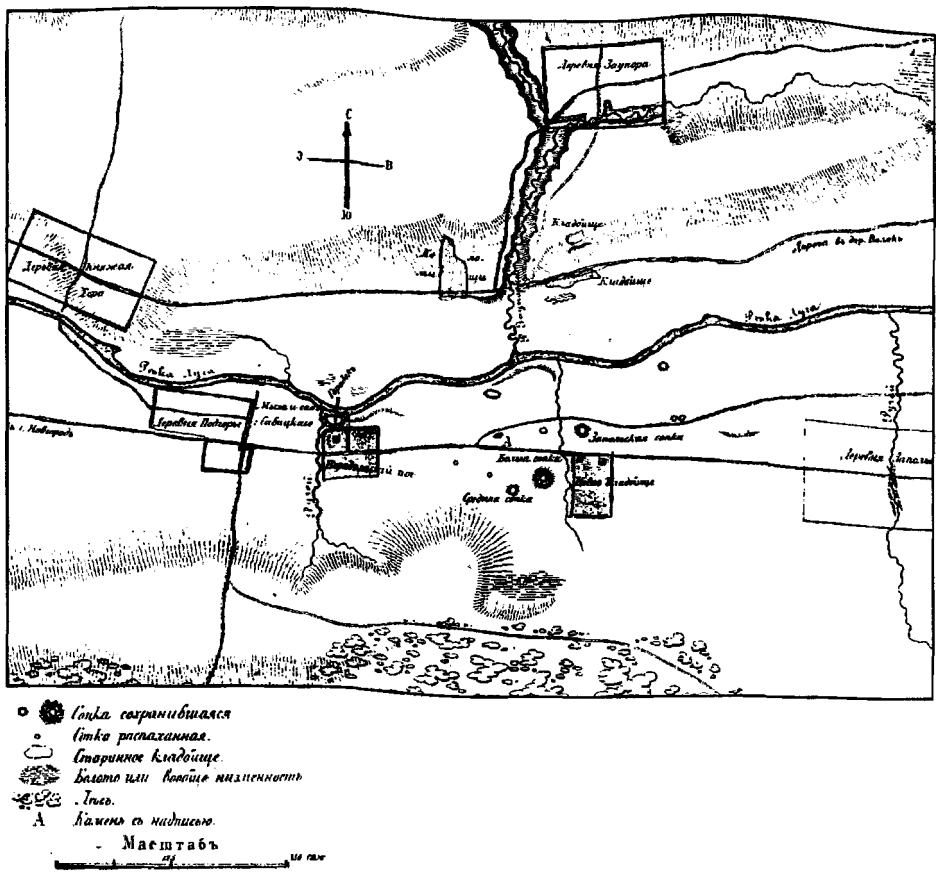

Рис. 3. План погребальных памятников у Передольского погоста, составленный М. И. Быстровым (1870-е гг.)

же опросными данными и наблюдениями, сделанными на ряде крестьянских усадеб. С юго-востока к описанной территории примыкает обширный участок поля, площадью около 1,5 га, на котором шурфовкой (2004 г.) пока не зафиксировано выраженных признаков культурного слоя. Однако из подъемного материала отсюда происходит целая серия интересных находок. Несомненно, застройка, в той или иной форме, присутствовала и тут. С учетом этого участка, общая площадь Передольского поселения должна была превышать 10 га.

Сопки Центральной группы, топографически связанной с Передольским погостом (Заполье 1), разбросаны по полю на значительном расстоянии друг от друга. Прежде их было, насколько можно судить по публикации краеведа XIX в. М. И. Быстрова, не менее 10, причем цепочка уничтоженных сопок начиналась в непосредственной близости от древнего поселения — примерно в 120 м от его юго-восточной границы (Быстров 1880; см. также рис. 3). Сохранившиеся сопки отстоят от нее на 300 и более метров. Две из них были исследованы Лужским отрядом ЛОИА-ИИМК РАН в 1985 и 1995 гг. (Платонова 2002).

Особый колорит и значение всему комплексу памятников придает Шум-гора (сопка № 5 Центральной группы). С этим гигантским сооружением связан целый комплекс легенд, обеспечивших ему широкую известность. Хотя часть этих преданий носит явно позднейший, «книжный» характер (как, например, рассказ о захоронении тут князя Рюрика и его «верной дружины»), все же следует признать: Шум-гора, действительно, уникальна — и по форме, и по размерам. Единственная из всех известных сопок, она имеет двухступенчатую форму — террасу на середине высоты. Высота ее составляет 12 м (с учетом естественной возвышенности — 13,5 м), диаметр — 70—75 м. В связи с этим еще в 2003 г. было начато ее исследование с использованием геофизических методов (Platonova et al. 2003; см. также: Носов, Платонова и др. в настоящем сборнике). Пока нам необходимо отметить одно: строительство такого, в высшей степени «престижного» культово-погребального сооружения возле древнерусского поселения не могло быть случайным. Оно носило знаковый характер и преследовало определенные (скорее всего, честолюбивые!) цели. Поселение, возле которого был воздвигнут подобный курган, никак не может рассматриваться как «рядовое».

Городище. В древности Передольское поселение делилось на две части безымянным ручьем. Возвышенный мыс по левому берегу ручья, при впадении его в Лугу, представляет собой остатки небольшого городища, ныне полностью занятого кладбищем (рис. 2—4). Название урочища зафиксировано М. И. Быстровым. По его словам, оно «исстари носит особое, специальное название „Городок“» (Быстров 1880: 385). Верхняя площадка городища занимает около 900 кв. м. По форме она представляет собой неправильный четырехугольник. Северный и восточный склоны мыса достаточно круты и

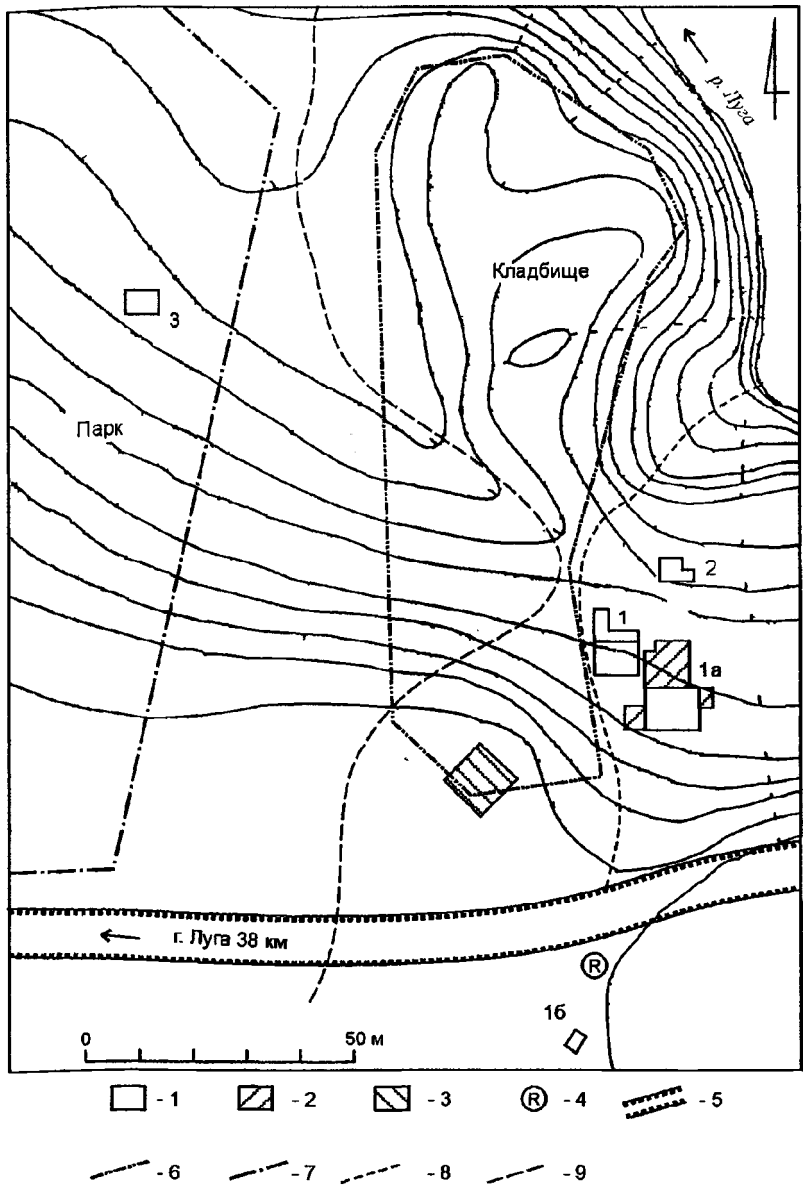

Рис. 4. Раскопы 1985—2004 гг. на Передольском погосте. Условные обозначения: 1 — раскопы 1985—2004 гг.; 2 — законсервированные участки раскопов; 3 — руины каменной церкви Воскресения Христова; 4 — репер 2004 г.; 5 — шоссе Луга — Медведь; 6 — граница приходского кладбища; 7 — граница старинного парка имения Милюковых — Лихаревых — Савицких; 8 — тропа от шоссе к реке; 9 — высохшее русло ручья

обрывисты, а с напольной стороны городища еще и сейчас можно наблюдать продольное возвышение, представляющее собой остатки вала. О наличии там крепостного рва свидетельствуют ощутимые западины рельефа с тыльной стороны городища. Въезд на него располагался в юго-восточной части. По свидетельству М. И. Быстрова, в XIX в. территория у подножия «Городка» ежегодно заливалась в половодье на треть его высоты.

В настоящее время и вал, и ров снивелированы непрерывным рытьем могил, продолжающимся здесь с эпохи средневековья по сей день. Между оградками местами попадаются отдельные ровные участки, кажущиеся, на первый взгляд, не перекопанными. В 1986 г. Лужским отрядом ЛОИА было заложено четыре шурфа в центральной и восточной частях площадки. В результате выяснилось, что бурый аморфный слой, распространенный здесь повсеместно и представляющий собой слой многократного перекопа, имеет мощность около 1,5—2 м. В нем были найдены лишь маловыразительные черепки гончарных и лепных сосудов. Зато он в высшей степени насыщен человеческими костями.

При раскопках прямо под дерном были зафиксированы кости. Среди них оказались два черепа с четырехугольными отверстиями от бронебойных наконечников стрел или арбалетных болтов. Когда на материке были расчищены границы погребальных ям с непотревоженными захоронениями, датируемыми по медным монетам 1805 и 1811 гг., стало окончательно ясно, что перед нами любопытный образец «перевернутой стратиграфии».

По-видимому, рытье могил началось на погосте не позднее XVI в. Погребения эпохи позднего средневековья совершались на сравнительно небольшой глубине. В XIX в. могилы стали рыть на глубину «в сажень». Новые ямы начисто разрушали и старинные могилы, и, по-видимому, остатки древних культурных напластований, дополнительно врезаясь в материк на 20—30 см. Кости XVI—XVII вв. выбрасывались наверх. В сущности, самым важным свидетельством наличия культурного слоя на городище до сих пор остается свидетельство М. И. Быстрова, относящееся к 1860—1870-м гг.: «...Священник Илья Быстров однажды, несколько лет назад, распорядился, чтобы могилу вырыли поглубже. Ее вырыли в сажень. Оказалось, что место для могилы указано было такое, где раньше еще никто не был похоронен. В яме увидели сначала, под тонким слоем чернозема, желтый песок, а под ним, на глубине сажени, пласт обыкновенного угля. Далее уже не рыли, потому что саженная глубина могилы признана была достаточною...» (Быстров, 1880: 386). Такая деталь, как наличие «угольного пласта» на саженной глубине, вполне согласуется со стратиграфической картиной, выявленной на селище к югу от городища. Интенсивно-углистый слой, действительно, залегал там в *нижнем* горизонте культурных отложений, общая мощность которых достигала 1,5—1,8 м. Однако указание на «желтый песок», перекрывавший его,

позволяет предположить и другое: могильная яма, описанная М. И. Быстровым, прорезала насыпь вала.

Отметим еще одну интересную деталь. В ходе опроса местных жителей в 2005 г. были получены сведения, что при рытье могил вдоль восточного края площадки городища на большой глубине открывалась каменная кладка из валунов. Эта кладка ассоциировалась у информаторов еще и с «рядами черепов», залегавших «друг на друге».[5] Поэтому, руководствуясь только этими сведениями, довольно трудно понять, имеем мы тут дело с деталью оборонительных конструкций или на городище (близ церкви?) находилось погребальное сооружение типа «длинного жальника» или скудельницы, содержавшее многочисленные захоронения, перекрытые или обложенные камнями?

Нельзя обойти стороной свидетельство М. И. Быстрова, наблюдавшего памятник в 1860—70-х гг., когда сохранность его была куда лучшей, чем сегодня. По словам этого краеведа, «для того, чтобы бока не осыпались, с северной и западной стороны Городок был обложен камнем. Главным образом, эта обкладка (плита на плите и между ними слой земли) сделана на углах: здесь она была доведена до самого верха; северо-восточный угол весь был обложен булыжниками, и только около 30 лет назад один из дьячков Передольского погоста уничтожил для чего-то эту обкладку, спустив камни в реку. По средине только, по подошве северной стороны, Городок был прежде обложен большими дикими камнями, а выше были набиты большие сосновые бревна. Говорят, впрочем, что бревна эти набиты были уже во второй половине прошлого столетия (XVIII в. — *Авт.*), когда на Городке строились сгоревшие в 1823 г. церкви...» (Быстров 1880: 386).

Таким образом, сам факт наличия каменной облицовки склонов Передольского городища не вызывает сомнений. Вопрос об ее хронологии на сегодняшний день остается открытым. Не исключено, что часть этих сооружений (валунно-бревенчатая обкладка) появилась в эпоху позднего средневековья или в новое время. Однако в ходе новейших раскопок раннегородских поселений Северной Руси было установлено: оборонительные каменные конструкции из плитняка начали строиться на них с VIII—X вв. (Старая Ладога, Любша, Изборск) (Кирпичников 1983: 20; Рябинин и др., 2002: 198; Седов 2002: 31—35). Поэтому свидетельство М. И. Быстрова о плитняковой об-

[5] «*Когда копали могилы Даниловых в девяностых годах, и к северу от них на склоне холма — в 2004-м, то находили камни, сплошную кладку. Видно, что было обложено — видимо, по гребню вала. Камни находились на глубине один-полтора метра. Камни — валуны, не плитняк. Снаружи, ближе к реке, находили черепа. Лежали один на одном. Огромные. Может, викинги какие...*» (информатор Леонтьев Петр Викторович, дер. Подберезье). Записано Н. И. Платоновой в 2005 г. Указанная информация подтверждена краеведом С. С. Алексашиным, который тоже неоднократно слышал от местных жителей рассказы о каменной кладке и рядах захоронений у восточного края площадки городища.

лицовке углов городища — «плита на плите и между ними слой земли» — позволяет, по меньшей мере, поставить вопрос об их раннесредневековом возрасте.

Посад. В целом, неутешительная стратиграфическая ситуация, выявленная на городище в 1980-х гг., заставила прекратить там раскопки и планировать их только на посаде, в открытой части поселения. В настоящее время на разных участках Передольского посада исследовано до материка 212 кв. м культурного слоя. Все раскопы локализуются на пологом склоне коренного берега р. Луги, кроме шурфа 1б. Последний находился на ровной поверхности второй террасы, близ ее края.

На правом берегу Безымянного ручья расположены раскопы 1 (1985—1986), 2 (1985), 1а (1994—1996, 2005), шурф 1б (2004), а на левом — раскоп 3 (1996) (рис. 4—6). Ниже приводится краткое описание и анализ материалов основных раскопов на посаде, в соответствии с их топографией: с севера на юг.

Правый берег Безымянного ручья. Первые исследования в этой части поселения были предприняты в 1984 г. и ограничились зачисткой стенки современной ямы для забора песка. В яме прослеживался мощный гумусированный слой и явные следы древней постройки. Была собрана небольшая коллекция лепной и гончарной керамики, обломки тиглей. Эта коллекция, как выяснилось впоследствии, целиком относится к яме № 1, исследование которой было продолжено в 1985 г. (раскоп 1, кв. А-1).

В 1985 г. на посаде было заложено два раскопа. В непосредственной близости от городища, к юго-востоку от него, на скате в крепостной ров располагался *раскоп 2* (24 кв. м). Мощность культурных отложений в нем невелика — 0,2—0,8 м.

Сверху, непосредственно под дерном, залегал интенсивно гумусированный (черный) слой древнерусского периода мощностью до 0,5 м. Возможно, на данном участке он образовался в результате оплыва. В нем встречались фрагменты лепной, реже — гончарной керамики (стенок). Несомненно, здесь находилась периферия жилой зоны.

Нижний горизонт отложений раскопа 2 представлял собой слой коричневого суглинка, подстилавшегося, в свою очередь, прослойкой темно-серой гумусированной супеси с примесью угля. Местами они выклинивались, а местами подстилались линзами желтого песка с галькой. Мощность нижнего горизонта составляла до 25 см. В ней обнаружена исключительно лепная керамика (рис. 12).

Совершенно иная ситуация зафиксирована в *раскопе 1* (72 кв. м), расположенном всего в 10—12 м выше по склону от реки (перепад высот современной поверхности относительно раскопа 2 в этом месте составлял 2,5—3 м). Средневековые напластования оказались перекрыты здесь культурными остатками нового времени — усадьбами приходского клира, датируемыми по боль-

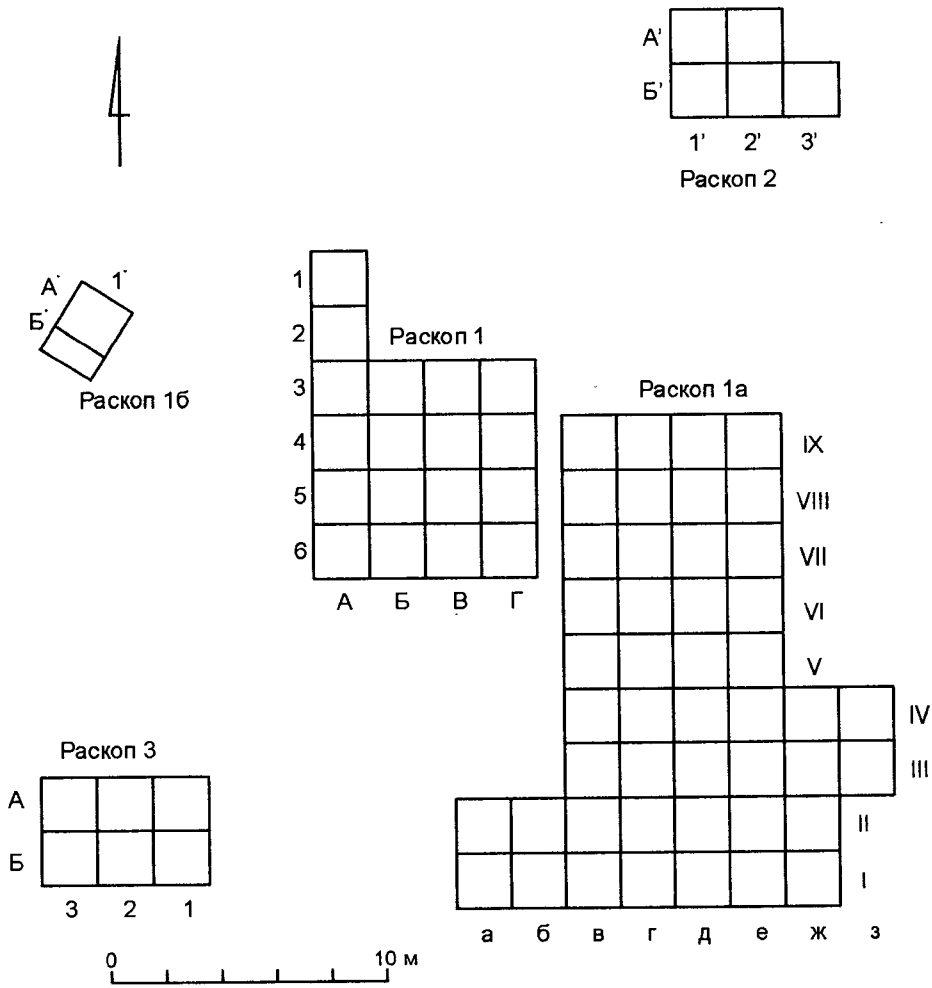

Рис. 5. Сетка квадратов раскопов на Передольском погосте

шой серии медных монет середины XVIII — XIX вв. Хозяйственная деятельность указанного периода разрушила часть раннесредневекового культурного слоя, так что немало находок рубежа I—II тыс. н. э. встречено в переотложенном виде вместе с поливной керамикой и прочими атрибутами нового и новейшего времени. К юго-восточному углу раскопа 1 почти примыкает *раскоп 1а* (168 кв. м), расположенный выше по склону. По сути, он является продолжением первого.[6] Стратиграфическая картина, зафиксированная в раскопах 1—1а, более детально описана ниже, в специальном разделе.

На северном участке раскопа 1а, примыкающем к раскопу 1, нижний горизонт отложений законсервирован. Поэтому все его характеристики, приводимые в настоящей статье, относятся исключительно к южному участку (80 кв. м), где раскопки доведены до материка. Перепад высот с раскопом 1 в этом месте составляет 0,5—1 м.

Наконец, в 2004 г. в 57 м к югу от раскопа 1а, там, где ковшом экскаватора был нарушен культурный слой, заложен *шурф 1б* (6 кв. м).[7] Перепад высот между ними составляет 3,5 м. В мешаном слое здесь найдены обломок костяного одностороннего гребня (рис. 8: 11), обломок ножа и шиферное пряслице. Ниже по всей площади прослеживался черный углистый слой. В яме № 1 (по нумерации 2004 г.), уходившей в западную стенку шурфа, наблюдалось «переслаивание» прослоек гумусированного грунта, угольков и древесного тлена. Самую нижнюю часть заполнения представлял слой черного рыхловатого суглинка (4—14 см), довольно сильно насыщенный углем. Его, в свою очередь, подстилал предматериковый слой — однородный темно-серый суглинок, практически стерильный (мощность до 18 см).

Стратиграфия раскопов 1—1а. Под слоем нового времени («верхний гумус», мощность до 0,4—0,5 м, в ямах — до 1,5 м) в раскопе 1 залегал мощный слой серо-коричневого гумуса, который в свежем разрезе имеет почти черный цвет (мощность 0,3—0,6 м, в западинах до 1 м). Это древнерусский культурный слой, во многих местах нарушенный перекопами. Наибольшую сохранность этот слой имел в северной части раскопа 1, на квадратах линий А, Б и Г. Изучение керамических материалов, в первую очередь, с этого участка позволило Т. А. Жегловой определить его как горизонт с гончарной керамикой (см. ниже). Ниже в раскопе 1 залегает «стратифицированный»

---

[6] В 1994 г., в момент разбивки раскопа 1а, выяснилось, что за тот период, пока раскопки не производились (1987—1993 гг.) репер 1980-х гг. оказался уничтожен, а место засыпанного раскопа 1 отчасти заняла земляная выемка. В результате привязка нового раскопа к предыдущим (№ 1—2) была осуществлена только приблизительно. В дальнейшем, при доследовании северной части раскопа 1а, возможно, будут найдены северные углы раскопа 1980-х гг. Тогда появится возможность связать их единой сеткой квадратов.

[7] В отчете Передольской археологической экспедиции ИИМК РАН 2004 г. шурф 1б фигурирует как «шурф № 1».

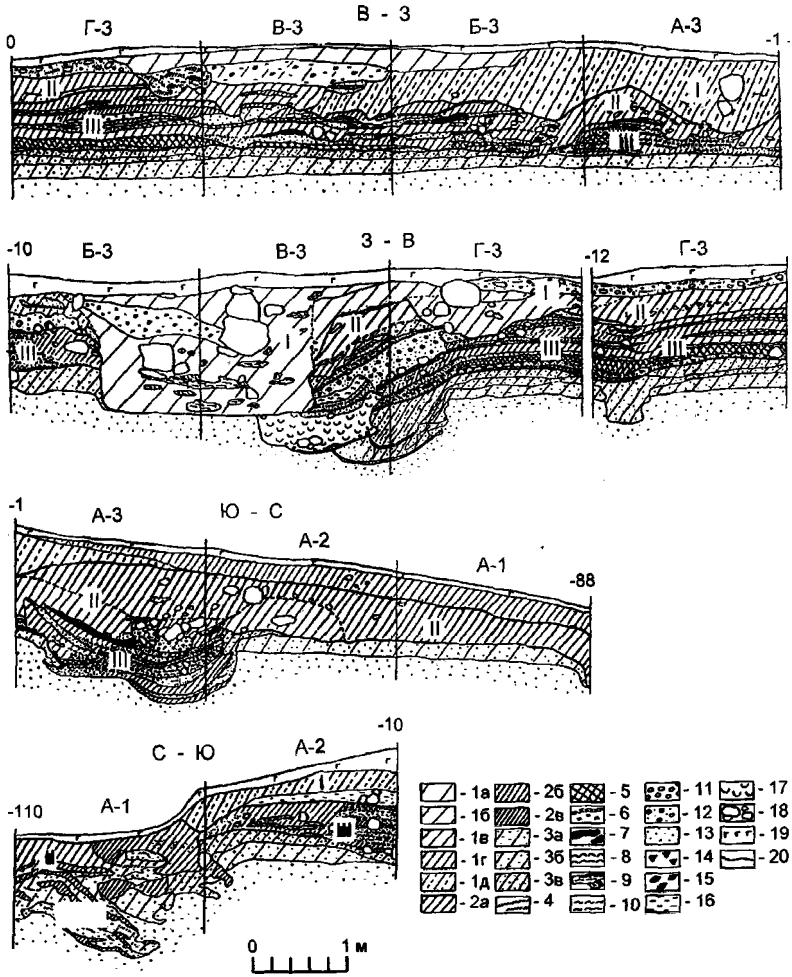

Рис. 6. Разрезы культурного слоя Передольского погоста (раскоп 1).

Условные обозначения: 1 — рыхлый культурный слой (1а — серый; 1б — темно-серый; 1в — буровато-серый; 1д — бурый; 1д — темно-бурый); 2 — плотный культурный слой (2а — серо-коричневый; 2б — темно-серый; 2в — черно-коричневый); 3 — предматериковый слой тонкой фракции (3а — светло-серо-желтый песок; 3б — серо-желтый песок; 3в — серый песок); 4 — тонкие прослойки серого гумусированного песка; 5 — углистый слой; 6 — тонкие прослойки угля и отдельные вкрапления угольков; 7 — горелые плахи; 8 — тонкие прослойки истлевшего дерева; 9 — дерево, сохранившее волокнистую структуру; 10 — зола; 11 — щебень; 12 — рыхлый песок со щебнем; 13 — желтый песок; 14 — крицы и шлаки; 15 — обломки кирпича; 16 — обмазка; 17 — плотный ярко-коричневый слой (навоза?); 18 — камни; 19 — дерн; 20 — граница между горизонтами культурного слоя. I — горизонт 1 («верхний гумус»); II — горизонт 2 («серо-коричневый гумус»); III — горизонт 3 («стратифицированный»)

горизонт 3, для которого характерно многократное чередование прослоек темно-серого и бурого гумуса с линзами золы, угля и песка, а также с ярко-коричневыми прослойками, напоминавшими жирную глину и содержавшими остатки не сгоревшего дерева, возможно остатки спрессованного навоза со щепой (их минимум две, мощностью 0,5—2 см) (рис. 6).

В нижней части «стратифицированного» горизонта местами наблюдался довольно мощный (до 0,15 м) угольный слой, а также остатки обугленных плашек и подстилающая их темно-серая супесь с угольками. По наблюдениям над коллекцией 1985 г. (из северной части раскопа), нижний горелый слой содержал только лепную керамику (Жеглова 1995: 31). Таким образом, начало жизни на усадьбе датируется не позднее первой половины X в.

Прослойки навоза со щепой имеют большую протяженность и могут быть прослежены в разрезах на большей части раскопа. Прослойки угля и золы в нижнем горизонте культурного слоя — как тонкие, так и достаточно мощные — также фиксируются по всей площади раскопа 1. Наличие в нижнем слое большого количества угольных прослоек наводит на мысль о пожаре, уничтожившем существовавшую здесь застройку X в. На первый взгляд, угольный слой в ярко выраженном виде присутствует только в северной части раскопа 1, на линиях В/Г 3—4 (рис. 6: 2). Здесь он представляет собой нижнюю часть стратифицированного горизонта, подстилаемую только предматериковым слоем (темно-серая супесь с угольками). Но анализ разрезов по линиям А и 2 позволяет заметить, что, по крайней мере, над глубокими подпольными ямами в кв. А-3 и В-3 прослеживаются остатки просевшего вниз *второго пласта угля* (причем более мощного и интенсивного), на сей раз уже *перекрывающего* собой стратифицированный горизонт (рис. 6: 2—3). Возможно, на большей площади раскопа 1 он просто не сохранился — может быть, в результате оплыва по склону, а возможно — в силу иной планировки участка или из-за выравнивания его под новую застройку.

В настоящий момент можно предположить, что описанный «стратифицированный» гор. 3 представляет собой культурные отложения, связанные с уровнем построек X в. (одной или несколькими, погибшими в пожаре). Момент гибели застройки фиксируется вторым (верхним) угольным слоем, перекрывающим подпольные ямы и, несомненно, представляющим собой остатки рухнувших на них конструкций.

В разрезах по линиям А и Б видно, что в северной части кв. А-2 гор. 3 выклинивается. Скорее всего, здесь и проходила северная граница усадьбы. Последнее тем более вероятно, что склон в этом месте становится заметно круче. Далее к северу мы наблюдаем напластования гор. 2 (серо-коричневого гумуса), залегающие уже непосредственно на предматериковом слое. Эти отложения перемыты и, вероятно, представляют собой результат сползания культурных остатков по склону к реке и крепостному рву.

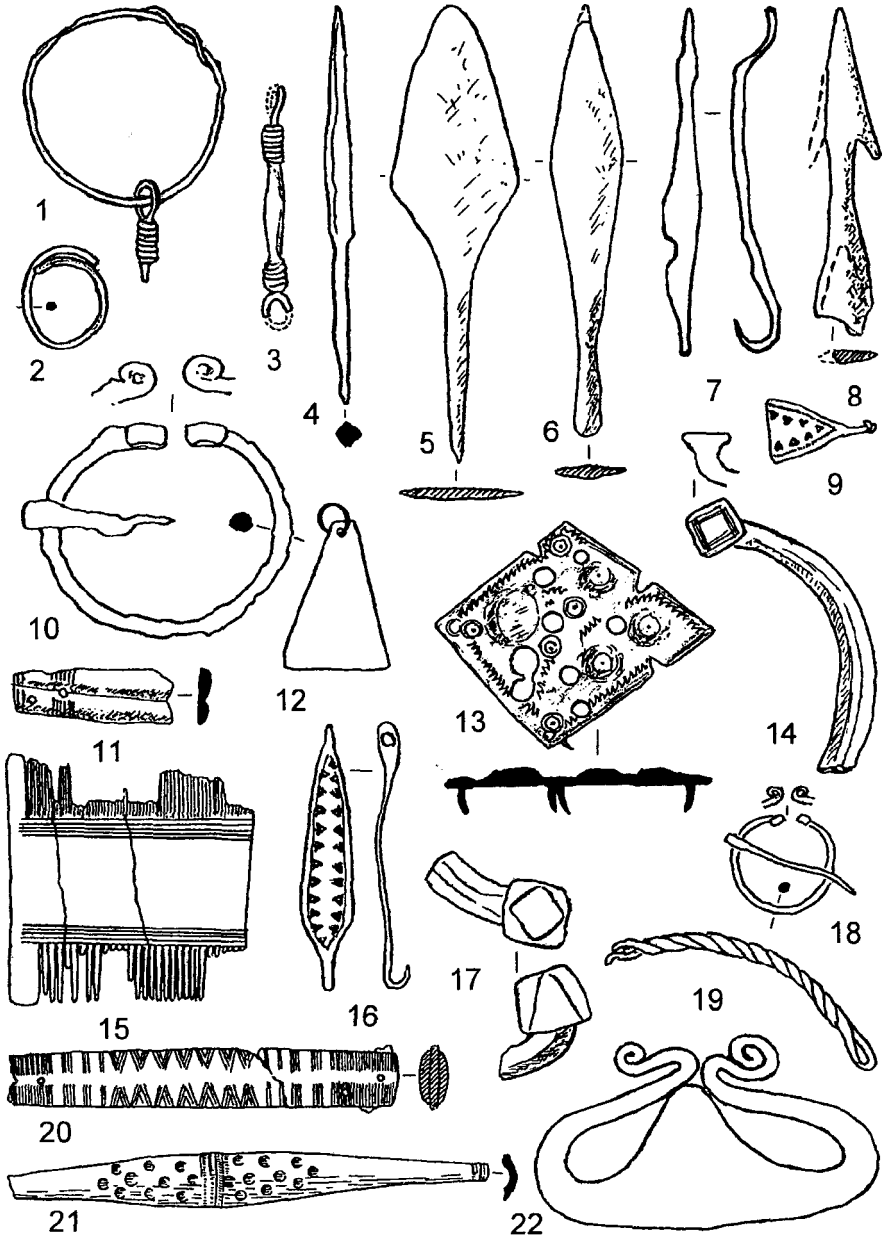

Рис. 7. Находки из раскопа 1: 1, 3, 4—8, 10, 18, 22 — железо; 2, 9, 12—14, 16—17, 19, 21 — бронза; 11, 15, 20 — кость

Тем не менее, можно констатировать, что значительного размывания и оплыва нижнего горизонта по склону не произошло (за исключением, может быть, самой верхней части пожарища). Возможно, его задержали недогоревшие обрушенные конструкции построек. Процесс разложения органики шел тут не очень интенсивно (сравнительно с той картиной, которую мы наблюдаем на древнерусских селищах с «сухим» слоем). Результатом этого стала значительная (до 0,5 м) мощность нижнего горизонта. На материке и в ямах дерево (фрагменты настилов, плашки, колышки) частично сохранилось до наших дней. Чуть выше (средний и верхний уровни гор. 3) наблюдаются тонкие ярко-коричневые прослойки (навоз со щепой?), перекрывающие друг друга и чередующиеся с прослойками угольков, золы, песка и гумуса. Наличие двух прослоек навоза, перекрывающих друг друга, может указывать на то, что в гор. 3 представлены не один, а минимум два горизонта застройки. Вероятно, навоз покрывал территорию двора, а прослойки угля, золы и гумуса представляют собой культурный слой, образовавшийся в ходе функционирования усадьбы. Однако неоднократно приходилось наблюдать, как ярко-коричневые прослойки проседают в глубокие подпольные ямы, ниже мощного слоя угля, несомненно, представлявшего собой остатки стен и верхних перекрытий построек, обрушенных во время пожара. Таким образом, нельзя исключать, что навоз и щепа находились не только вне помещений, но и внутри.

В целом, картина, которую мы наблюдаем в нижней части напластований, напоминает ситуацию, хорошо известную по ряду протогородских и городских центров средневековой Европы: накопление «мокрого» слоя. Причина этого всегда одна: *стойловое содержание скота в усадьбах, при очень высокой интенсивности жизни на поселении*. Это последнее подтверждает уже высказанную мысль о том, что, по крайней мере, в X в. Передольский посад функционировал в городском ритме.

Напластования серо-коричневого гумуса связаны уже со вторым этапом застройки. Именно тогда и попали в слой древнерусские вещи XI—XII вв. (см. ниже). Однако вопрос о непрерывности заселения данного участка с X—XII вв. до эпохи позднего средневековья следует пока оставить открытым.

Стратиграфия раскопа 1а, в целом, близка той, что наблюдалась в раскопе 1, но имеет и ряд особенностей. Верхние горизонты — «верхний гумус» и «серо-коричневый гумус» — полностью соответствуют горизонтам 1 и 2, выделенным по материалам нижнего раскопа, в эталонном разрезе 1985 г. Под ними, по описанию разреза раскопа 1, залегал «стратифицированный» горизонт 3. Главными отличиями верхнего раскопа 1а от нижнего раскопа 1 стали следующие:

а) горизонт 2 (серо-коричневый гумус) на данном участке структурирован: в нем выделяется несколько комплексов — печных развалов с гончарной керамикой;

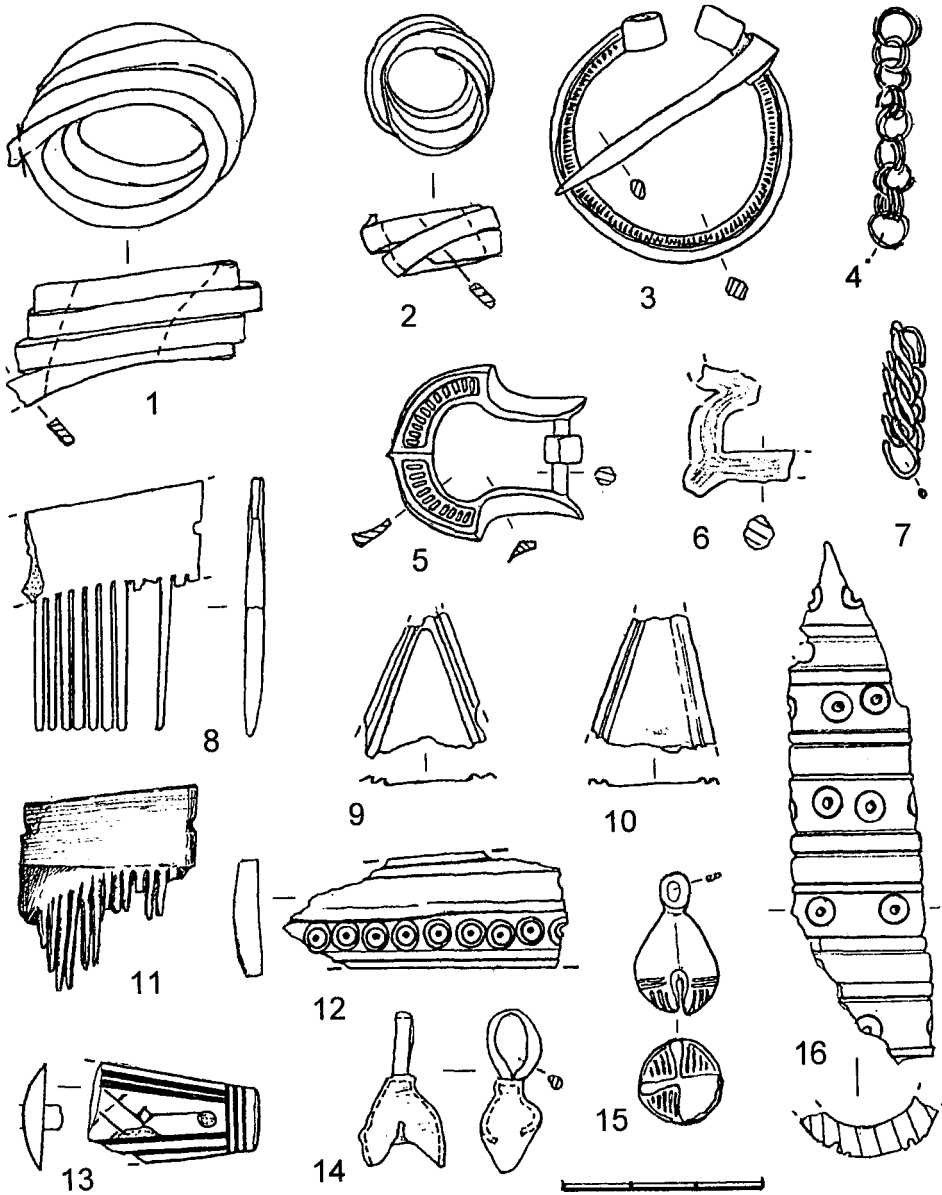

Рис. 8. Находки из раскопа 1а и шурфа 1б: 1—10, 12—16 — раскоп 1а; 11 — раскоп 1б. 1—7, 9—10, 14—15 — бронза; 8, 11—13, 16 — кость

б) ниже горизонта 2 в раскопе 1а залегает обширная линза угольного слоя, который в раскопе 1 фиксируется лишь локально — видимо, по причине плохой сохранности (верхний угольный слой, перекрывающий подпольные ямы);

в) в свою очередь, ниже угольного слоя, непосредственно над предматериковым горизонтом (древней почвой) в раскопе 1а выделен горизонт «бурого гумуса», в котором местами прослеживаются тонкие прослойки навоза со щепой, дерева, золы и пр. Этот горизонт, в целом, соответствует гор. 3 раскопа 1 («стратифицированному»). Но в отличие от последнего, бурый гумус нигде не имеет в основании отчетливо выраженного горелого слоя (хотя местами подстилается тонкой прослойкой угля). Это косвенно указывает на то, что нижний «горелый» слой, выделенный локально в северной части раскопа 1 (линии В и Г), необязательно является горизонтом пожара и может быть связан с ремесленной деятельностью. На последнее указывает наличие там многочисленных шлаков и иных отходов производства.

Жилой характер бурого гумуса в «верхнем» раскопе 1а не подлежит сомнению. Перекрывающий его угольный слой представляет собой несомненный горизонт пожара. По наблюдениям, сделанным в поле в сезонах 1996 и 2005 гг., в буром гумусе раскопа 1а присутствует только лепная керамика. Для угольного слоя так же характерно бытование, преимущественно, лепной посуды. Местами в нем встречается примесь гончарной керамики ранних форм, включая горшки, внешне напоминающие лепные сосуды, но с неумело нанесенным подобием то ли волнистого орнамента, то ли зубчатой линии. Зато перекрывающий оба эти горизонта очень темный серо-коричневый гумус весьма насыщен древнерусской гончарной керамикой. Разумеется, эти наблюдения еще будут уточняться в ходе дальнейшего изучения керамических материалов и доследования нижнего горизонта отложений в раскопе 1а.

Серый предматериковый слой, подстилающий «бурый гумус», представляет собой погребенную почву. Его верхняя граница — уровень древней дневной поверхности времени основания поселения. В настоящий момент есть основания полагать, что еще до начала жизни на посаде эти земли распахивались — по крайней мере, некоторые их участки. Свидетельством тому являются следы борозд, идущих в направлении ЮЮЗ-ССВ (перпендикулярно реке), которые были зафиксированы в раскопе 1а при зачистке материка на кв. *в/г*-I—IV (1996 г.). К сожалению, на соседних линиях квадратов *д/е/ж*-I—IV (исследованных в 2005 г.) их не удалось выявить достоверно. Материк тут весь исчерчен кротовинами, что весьма затрудняет поиск «подлинных» следов древней пахоты. Тем не менее, геолог М. В. Шитов (СПбГУ, геологический факультет), анализировавший в поле разрез 2005 г. и не знавший ничего о результатах зачисток на соседнем участке, дал независимое заключение, что контакты древней почвы тут слишком резкие, чтобы быть естественными. Удовлетворительно объяснить этот факт может, по его мнению,

только предположение, что почва распахивалась еще до начала формирования культурного слоя. Приведенные результаты исследований 1996 и 2005 гг. позволяют считать весьма вероятным факт древней распашки приречной части посада к югу от городища (по правому берегу ручья) — до начала формирования там культурных отложений.

Характер застройки. На материке местами сохранились остатки конструкций построек (настилы из плах, столбовые ямки, подпольные ямы и т. д.). К сожалению, сохранность дерева такова, что не позволяет представить их обоснованную реконструкцию. Но само наличие на сравнительно небольшой площади раскопа 1 (72 кв. м) целых трех подпольных ям, впущенных в материк из нижнего горизонта, свидетельствует либо о том, что на раннем этапе застройка была достаточно тесной, либо о том, что перед нами несколько горизонтов застройки. Находка в одной из них обгорелых зерен указывает на то, что здесь хранились пищевые запасы (яма № 1, кв. А-3, см. рис. 6: 3). Несомненный жилой характер застройки подтверждается находками многочисленных бытовых предметов и украшений.

В конструктивном плане наибольший интерес представляют собой уже упомянутые обширные (до 2 м в поперечнике) и глубокие (до 1,4 м от поверхности древней почвы) подпольные ямы. В их заполнении сохранились прослойки дерева, навоза, угля и золы от провалившихся туда полов и перекрытий построек. Имеются ямы двух типов — обычные и двухчастные, с «приступкой» (рис. 6: 3). Этот материал заслуживает рассмотрения в отдельной статье — вместе с аналогичными ямами других раскопов. Тщательный их анализ поможет уточнить детали конструкции жилищ X в. на Передольском погосте.

Поскольку есть основания считать, что жизнь на раскопанном участке поселения началась не ранее второй четверти X в. (см. ниже), можно предположить, что посад был основан в первой половине X в. Если так, культурный горизонт с лепной керамикой откладывался в течение всего нескольких десятилетий, пока лепная керамика еще не вышла из обихода. Следует учитывать, что находки лепной керамики зафиксированы в слое практически повсеместно — по всей территории памятника, кроме его юго-восточного участка (см. ниже). Они присутствуют либо в раскопах и шурфах, либо в подъемном материале — в тех частях селища, где раскопки не проводились. Территория распространения лепной керамики охватывает около 8—9 га — то есть почти всю «черную землю». Все это наводит на мысль, что в X в. поселение разрасталось очень быстро.

Яркой особенностью материала из раскопа 1 является большое количество отходов ремесленного производства. Присутствие их характерно как для нижнего горизонта 3, так и для горизонта 2 (серо-коричневого гумуса). В северо-восточном углу раскопа, в кв. Г-3, скопление их представляло собой довольно обширную линзу, залегавшую в основании слоя, в угольной прослой-

ке чуть выше предматерика. Однако самая значительная концентрация ремесленных отходов была зафиксирована южнее, на линиях квадратов 4—6. Стекловидные шлаки, обломки криц, тигельков и пр. исчислялись тут сотнями и являлись массовым материалом. Помимо того, здесь было найдено три продолговатых четырехгранных слитка бронзы — сырье для ювелирного производства. Таким образом, можно сделать вывод: обитатели данной усадьбы весьма интенсивно занимались ремесленной деятельностью. В раскопе 1а, расположенном несколько выше по склону, количество ремесленных отходов резко убывает. Здесь они достаточно редки. Таким образом, комплексы, связанные с кузнечным и ювелирным производством, сосредоточивались на северном краю усадьбы, в месте, где начинался скат к крепостному рву.

В целом, можно предположить, что стратиграфические особенности и отличия в характере материала раскопов 1 и 1а связаны с особенностями застройки различных участков одной и той же усадьбы. Мощный горизонт пожара наиболее отчетливо фиксируется в верхней части «стратифицированного горизонта» раскопа 1а. Несомненно, в X в. (предположительно, во второй половине) раскопанная территория подверглась катастрофическому разрушению от огня, но затем, в XI—XII вв. жизнь тут возобновилась.

Левый берег Безымянного ручья. Культурный слой по левому берегу ручья исследован в меньшей степени. В 1986 г. здесь был заложен ***раскоп 3*** (48 кв. м), расположенный в 50 м к западу от городища (рис. 4—5). Раскоп находился на краю старинного помещичьего парка. В этом месте в 1985 г. Лужским отрядом была произведена шурфовка, причем в шурфах оказались такие находки, как молочно-белая бусина с волнистой печеночно-красной полосой, две трапециевидных подвески, ланцетовидный наконечник стрелы и арабская монета X в.

Стратиграфия раскопа 3. Стратиграфическая ситуация на раскопе 3 отличалась от той, что была зафиксирована на правом берегу ручья. Главным отличием явилось полное отсутствие здесь наслоений нового времени. После снятия дерна в раскопе 3 был выявлен темно-серый, местами бурый культурный слой, соответствующий серо-коричневому гумусу (гор. 2) основных раскопов 1—1а. Мощность его составляла 0,2—0,45 м. Этот горизонт вмещал развалы камней (в основном, пережженных), что также соответствовало характеристикам серо-коричневого гумуса. На левом берегу ручья он практически не подвергался перекопам. В верхней части слоя преобладала гончарная керамика, не очень развитых форм, хотя встречались и лепные фрагменты. Под дерном и в верхнем горизонте камней была найдена целая серия предметов, в том числе два обломка односторонних костяных гребней (рис. 9: 5, 9), 4-гранный наконечник стрелы (рис. 9: 3), 3 лимоновидных бусины (желтая, синяя и 2-частная серебростеклянная), синяя цилиндрическая бусина с рельефными глазками, пластинчатый овальноконечный перстенек

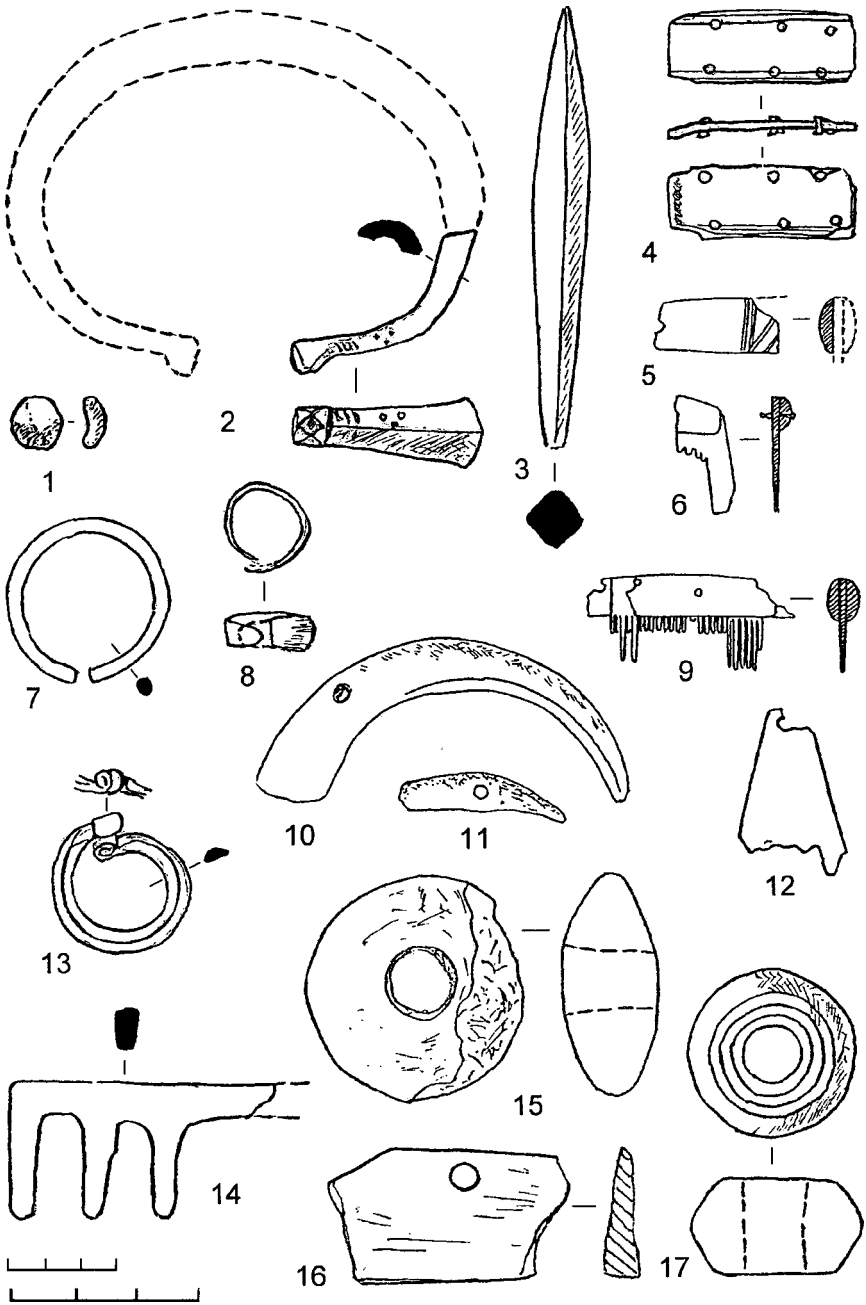

Рис. 9. Находки из раскопа 3: 1—2, 4, 7—8, 12—13 — бронза; 3, 14 — железо; 5—6, 9—11 — кость; 15 — глина; 16—17 — камень

(рис. 9: 8), подковообразная пряжка со спирально закрученными концами (рис. 9: 13), 2 обломка лезвий топоров, обломок ключа (рис. 9: 14), глиняное пряслице (рис. 9: 15) и т. д. Ниже в том же слое серо-коричневого гумуса найдены бляшка-скорлупка (?) (рис. 9: 1), еще один обломок одностороннего гребня (рис. 9: 6), лимоновидные бусы (фиолетовая и бесцветная), бусы из хрусталя (шаровидная и многогранная), трапециевидная подвеска (рис. 9: 12) и т. д. На краю заполнения ямки, впущенной из этого горизонта в нижележащий, находились лимоновидная золотостеклянная бусина и эллипсоидная пронизка темного стекла со сплошной гладкой инкрустацией. К этому же горизонту следует относить находки дирхема и молочно-белой бусины, происходившие из шурфов.

Ниже серо-коричневого гумуса в раскопе 3 залегал мягкий черный культурный слой с примесью песка и угля («черный гумус»), мощностью 0,3—0,4 м (в ямах до 0,55 м). В нижней части его, над самым предматериком была особенно заметна концентрация углистых включений. В юго-западном углу раскопа наблюдалось и всхолмление угля, скорее всего, представлявшее собой край какой-то сгоревшей постройки. Данные напластования можно сопоставить со стратифицированным горизонтом в раскопах 1—1а и с угольным слоем, его перекрывающим. Различие в характере отложений, несомненно, связано с условиями их залегания на разных участках поселения и вытекающей отсюда разной степенью сохранности. В раскопе 3 дерево и органика сохранились значительно хуже, чем в нижней части напластований раскопа 1. Поэтому «стратифицированного» слоя, как такового, здесь сформироваться не могло.

В черном гумусе раскопа 3 доминировала лепная керамика. Встречены крупные фрагменты лепных сосудов с реберчатым перегибом тулова, а также скопления шлаков и находки обломков тиглей, просверленный кабаний клык (рис. 9: 10). На границе черного гумуса и подстилающего его серого предматерикового слоя найдены печеночно-красная бусина и лимоновидная серебростеклянная. Из верхней части предматерика происходят просверленный медвежий клык (рис. 9: 11) и обломок массивного литого браслета с граненым концом (рис. 9: 2).

В целом представляется, что застройка на данном участке поселения просуществовала сравнительно недолго. Ее начальной датой, скорее всего, является первая половина X в. Следы горения наблюдались только в нижней части слоя. После пожара застройка возобновилась. Затухание селитьбы явно произошло под влиянием каких-то иных причин.

Керамика Передольского посада. В настоящий момент исчерпывающе проанализированы лишь керамические материалы из сборов 1984 г. и раскопок 1985 г. (раскоп 1, северная часть и раскоп 2) (Жеглова 1995: 29—31). Эта коллекция насчитывает всего 2017 фрагментов, относящихся, как к древнерусскому времени, так и к позднейшим периодам — эпохе позднего средне-

вековья (XIV—XVI вв.) и новому времени (XVIII—XIX вв.). Венчиков найдено 200 экз. (28% лепных и 73% гончарных). Относительно небольшая коллекция и сильная измельченность древнерусского материала затрудняют выделение типов, основанное на профилировке верхней части сосудов. Однако именно северная часть раскопа 1 (участок, раскопанный в 1985 г.) может, в определенном смысле, считаться эталонной, ибо здесь четко прослежена последовательность нижних напластований и имеется возможность послойного анализа находок. Увязка со стратиграфией и более-менее четкие хронологические ориентиры делают эту коллекцию достаточно интересной и значимой.

Нижняя часть «стратифицированного» горизонта посада насыщена (на непотревоженных участках) исключительно лепной керамикой, без примеси гончарной. Особенно выразительным является комплекс керамики из мощного углистого слоя в кв. Г-3, где обнаружено не менее пяти развалов сосудов, датируемых, по находке здесь же обломка привозного стеклянного сосудика — не ранее второй четверти — середины X в. (см. ниже). В комплексе представлены ребристые горшки с вертикальными венчиками усеченно-конической формы, умеренно сужающиеся ко дну (рис. 10: 4, 9, 10, 11). Лишь один горшок имеет выраженную коническую форму, резко сужающуюся ко дну, и широко открытое горло. Венчик его украшен в месте перехода к тулову однорядной каннелюрой (рис. 10: 3). Исключительно лепная керамика происходит из ям № 1 (рис. 6: 3; кв. А-2/3) и № 8 (рис. 6: 2; кв. В/Г-3). Это мелкие фрагменты горшков с примесью крупной и мелкой дресвы. Венчики вертикальные или слабо отогнутые, с закругленным краем (рис. 11: 3—7). Важным дополнением к характеристике керамики древнейшего (начального) этапа жизни на поселении является комплекс раскопа 2, заложенного на периферии поселения. В нижней части культурного слоя собрана коллекция лепной керамики без примеси гончарной (см. выше). Найдены фрагменты горшков с ребром, горшков S-образной профилировки и широко открытых сосудов с горизонтально отогнутым венчиком (рис. 12).

Помимо материала из вышеуказанных комплексов раскопа 1, содержавших исключительно лепную керамику, в коллекции имеются многочисленные находки из верхней части гор. 3, где лепная керамика встречалась вперемежку с гончарной, а также фрагменты лепных сосудов, происходящие из поздних перекопов.

Вся лепная керамика Передольского посада изготовлена из грубого теста с примесью дресвы, иногда очень крупной (до 5—6 мм). По характеру профилировки верхней части сосудов в коллекции 1984—1985 гг. выделены следующие типы (рис. 15):

Тип 1. Лепные сосуды с ребром по плечику. В рамках этого типа выделено три варианта, однако лишь первый из них имеет в основе серию сосудов. Остальные (*б* и *в*) представлены единичными экземплярами.

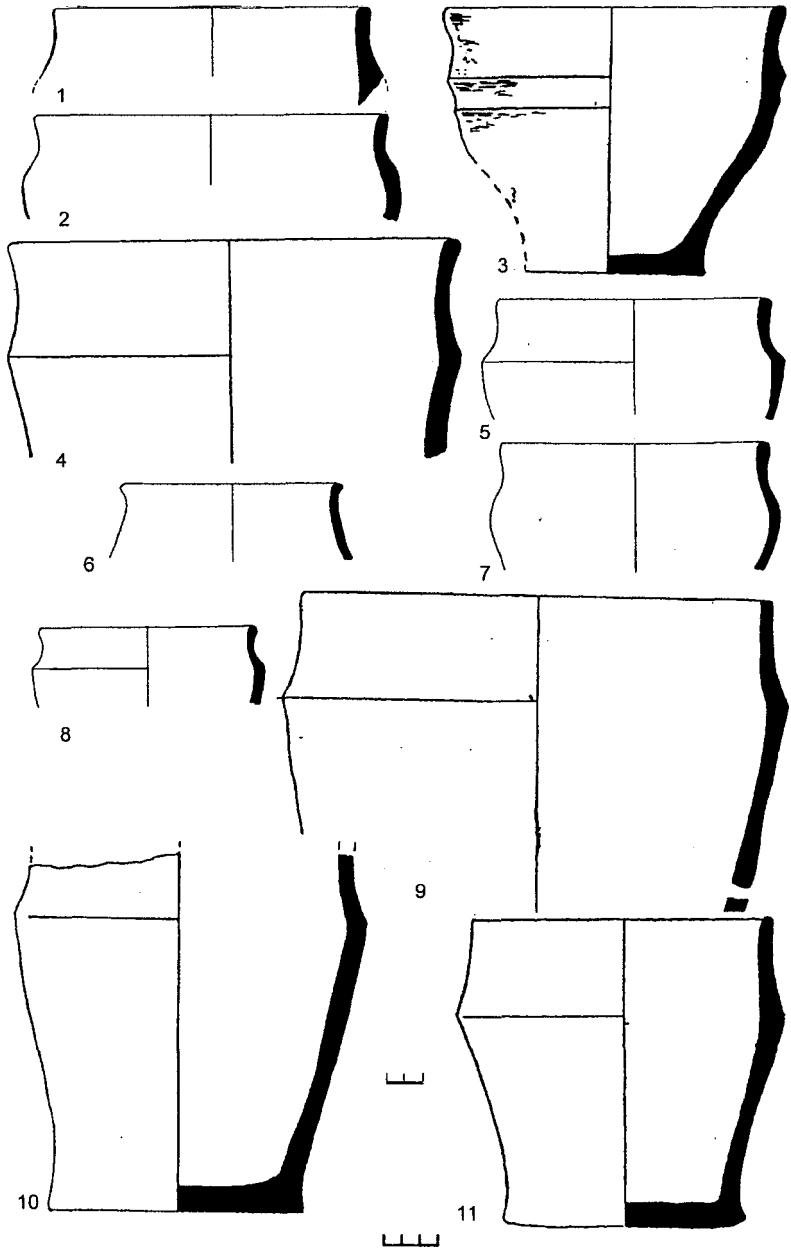

Рис. 10. Лепная керамика из раскопа 1: 3—4, 9—11 — гор. 3, углистый слой, кв. Г-3

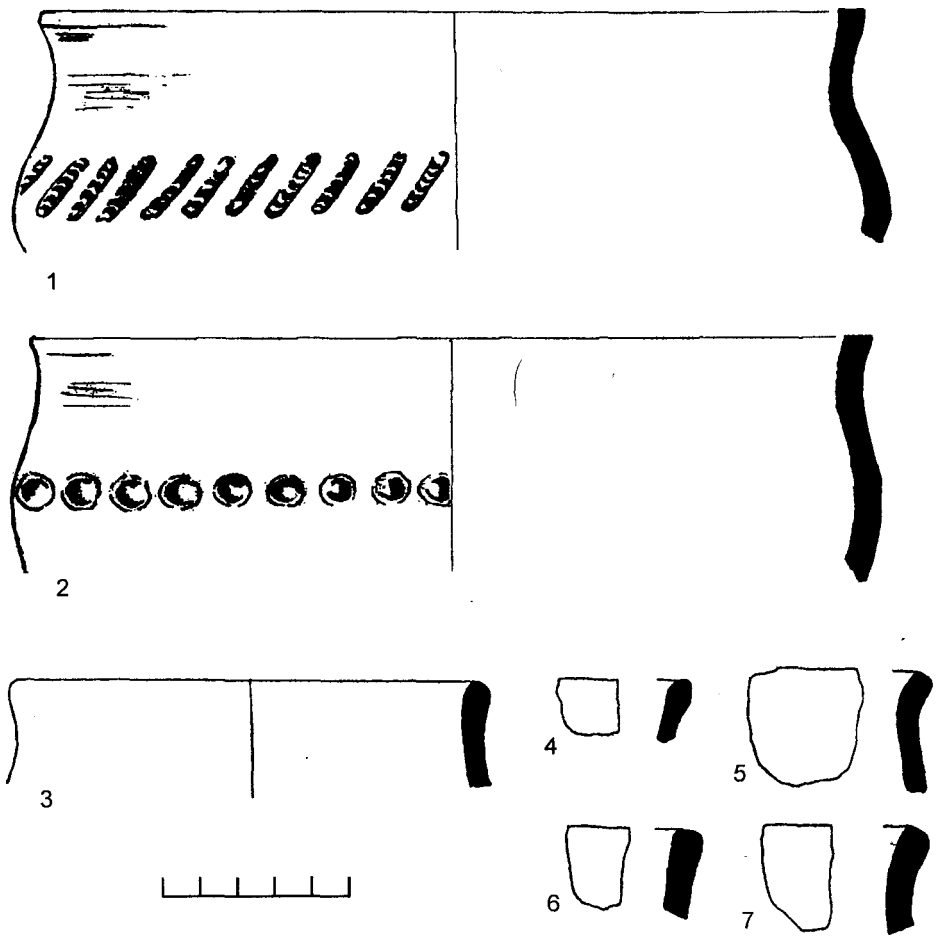

Рис. 11. Раскоп 1: 1—2 — орнаментированная лепная керамика; 3—7 — лепная керамика из ям в материке в раскопе 1: 3—4 — яма № 1; 5—7 — яма № 8

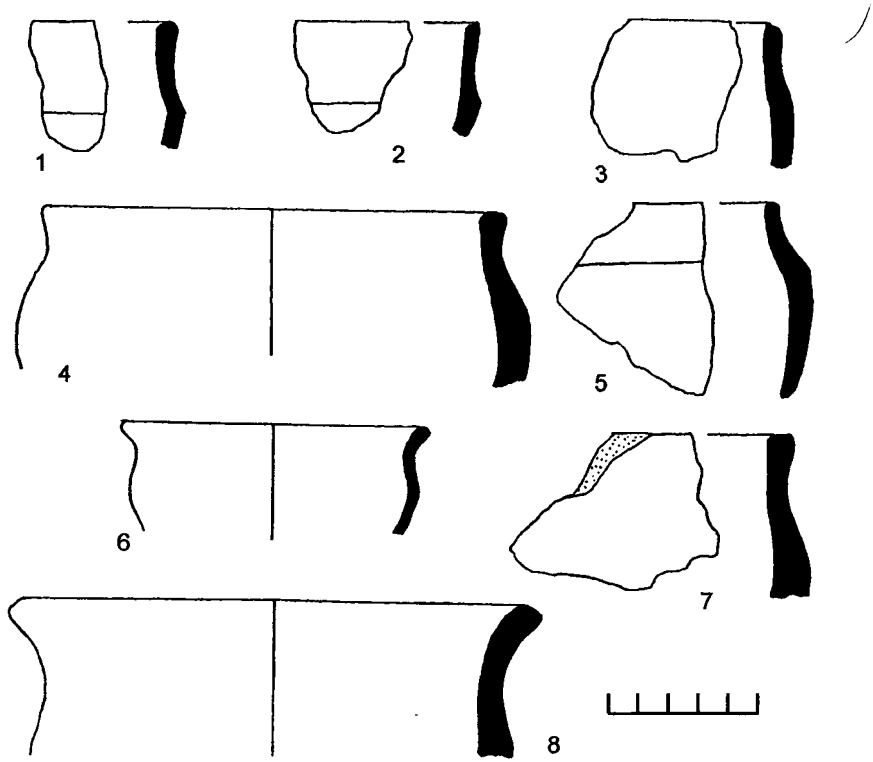

Рис. 12. Лепная керамика из раскопа 2

Вариант 1а. Венчик прямой, почти вертикальный. Край закруглен. Встречены единичные экземпляры с уплощенным или срезанным краем. В отдельных случаях определима форма сосуда. Это усеченно конические горшки, умеренно сужающиеся ко дну (рис. 10: 5, 8—11). Аналогии им достаточно широко известны на Северо-Западе: Старая Ладога, Новгород, Удомельское Поозерье, Нестеровичи, Золотое Колено и пр. (см. напр.: Смирнова 1976: 3—10; Сениченкова 1998: 13—15, 27, 29, рис. 1: 4; Конецкий 1991: 116, рис. 7; Носов, Плохов 1991: 139—144, рис. 2: 7; Исланова 1997: 239, рис. 104: 1; Плохов, 2002: 142—143, рис. 1—2).

Вариант 1б. Венчик короткий, вертикальный. Слегка наклонен внутрь. Край закруглен. Тулово слегка раздуто (рис. 12: 5). Аналогии таким сосудам имеются в Ладоге (Сениченкова 1998: 15, 29, рис. 4: 1в; Плохов 2002: 47, рис. 4: 3).

Вариант 1в. Венчик сосуда слегка оттянут наружу. Край уплощен. Тулово резко сужается от плечика к низу (рис. 12: 2). Аналогии ему известны в Ладо-

ге, Удомельском Поозерье и т. д. (Сениченкова 1998: 29, рис. 4, 9; Исланова 1997: 234, рис. 99: 2, 3, 5).

Тип 2. Сосуды с округлым плечиком. В тех случаях, когда сохранность позволяет, прослеживается плавный переход от плечика к тулову. Венчик вертикальный, иногда слегка отогнутый (рис. 10: 1, 2, 7; 12: 3, 4, 7). Край закругленный или уплощенный. Аналогии таким горшкам широко известны в слоях X в. на поселениях Северо-Запада (Носов, Плохов 1991: 145, 149, рис. 8, 12; Исланова 1997: 242, рис. 107:1—4; Плохов 2002:150, рис. 5: 11, 16).

Тип 3. Сосуды с широкой горловиной и сильно отогнутым, уплощенным краем венчика. Тулово резко сужается ко дну (рис. 12: 6, 8). В коллекции 1984—85 гг. представлено лишь два экземпляра венчиков этого типа, причем оба они происходят из раскопа 2. Аналогии им известны в Удомельском Поозерье (Исланова 1997: 234, рис. 99: 2, 3, 5).

Тип 4. Горшки с каннелюрой (рис. 10: 3). Тип представлен одним реконструируемым сосудом из комплекса в кв. Г-З и отдельными мелкими фрагментами стенок с каннелюрой. Реконструируемый горшок имеет почти вертикальный закругленный венчик, плечико с однорядной каннелюрой и усеченно-коническое тулово, резко сужающееся ко дну. Отметим сразу, что из-за измельченности фрагментов данного сосуда, а также из-за того, что профиль складывается не вертикально от венчика ко дну, а по спирали, мы допускаем возможность некоторой неточности реконструкции в придонной части. В 1995 г. при раскопках сопки № 4 Центральной группы (Заполье 1) был найден сосуд, использовавшийся в качестве погребальной урны (Платонова 2002: рис. 5: 25). По форме этот сосуд из сопки близок описанному горшку с каннелюрой. Индивидуальные погребения верхнего яруса сопки № 4, датируемые в диапазоне от второй четверти до конца X в., синхронны древнейшим слоям Передольского посада. Аналогии сосудам с каннелюрой известны в Городце под Лугой, на Золотом Колене, в Старой Ладоге (Ефимова 1977; Сениченкова 1998: 20; Носов, Плохов: 139, рис. 2: 6).

Таким образом, в ассортименте керамики из раскопов 1 и 2 имеются некоторые отличия. В раскопе 1 не найдено фрагментов лепных сосудов типа 3. В раскопе 2 не представлены фрагменты с каннелюрой. Можно отметить, что эти отличия касаются очень малочисленных типов сосудов.

В коллекции гончарной керамики из раскопок 1984—1985 гг. не представлено целых форм сосудов. Поэтому классификация их основана исключительно на фрагментах венчиков. Горшки изготовлены из теста с примесью дресвы, красноватого, бурого и черного цвета. Орнамент преобладает линейный и волнисто-линейный, изредка встречается штамп. В раскопе 1 выделяются комплексы, содержащие лепную и гончарную или только гончарную керамику. По характеру профилировки верхней части выделяются четыре типа сосудов (рис. 15):

Тип 1. Сосуды слабой S-видной профилировки. В характере отгиба венчика имеются два варианта. В одном случае это плавный изгиб (рис. 13: 6, 8, 12; 14: 2, 3), в другом случае — скорее перелом (рис. 13: 2, 4, 13; 14: 4, 5). Сосуды украшены линейным и линейно-волнистым орнаментом, который расположен, насколько позволяют судить фрагменты, по плечику и верхней части тулова. В ряде случаев орнамент поднимается до шейки. Этот тип является преобладающим в коллекции 1984—1985 гг. (27 экз.) и повсеместно встречается на древнерусских памятниках Северо-Запада конца X—XI вв. (Белецкий 1996: 62, рис. 52: IV; Носов, Горюнова, Плохов 2005: табл. 74: 2, 4, табл. 84: 2, 4 и др.).

Тип 2. Сосуды, связанные генетически с типом 1. Они также имеют S-видную профилировку, но наблюдается более резкий изгиб венчика и выраженное округлое плечико. Орнамент по плечику линейный и линейно-волнистый. Данный тип характерен для древнерусских поселений второй половины XI — XII вв. (рис. 13: 10, 11, 14; 16: 2, 3).

Тип 3. Сосуды с вертикальным венчиком. Место перехода от венчика к плечику орнаментировано полосками или валиками, украшенными различным штампом, волнистым и линейным орнаментом. Тип представлен 1 венчиком и орнаментированными мелкими фрагментами (рис. 13: 3, 5; 14: 1). Горшки с вертикальным венчиком представляют собой редкий, но устойчивый тип на Северо-Западе (Горюнова 2002: 54—60, рис. 4: 2, 8; Королькова 2003: 289, рис. 3: 4—6). В керамических материалах Верхнего Полужья, кроме профилировки и орнамента, их отличает, как правило, хорошее качество теста и обжига. Дресва, используемая в качестве примеси, мельче, чем та, что используется при изготовлении сосудов других типов.

По технологии изготовления керамика с вертикальным горлом заметно отличается от основной массы сосудов, производившихся на поселении. Впервые эту керамику выделила на материалах Новгорода Г. П. Смирнова, высказавшая предположение о том, что некоторые варианты сосудов с вертикальным горлом могут быть привозными (Смирнова 1974: 17—22). Однако повсеместные находки и устойчивость этой формы — в том числе и на сельских поселениях Северо-Запада — говорят, скорее, за то, что подобная керамика изготавливалась в качестве столовой посуды в городских центрах Северо-Запада, откуда и шло ее распространение по ближайшим поселениям.

Тип 4. Сосуды, слабо профилированные в верхней трети тулова. Тип представлен единичным фрагментом сравнительно толстостенного горшка с широким горлом и слегка отогнутым краешком венчика. Орнаментирован многорядной неравномерной волной (рис. 13: 9). Это один из самых ранних типов гончарной керамики Северо-Запада (см.: Горюнова 1977: 52; 2002: 55, рис. 5: 6).

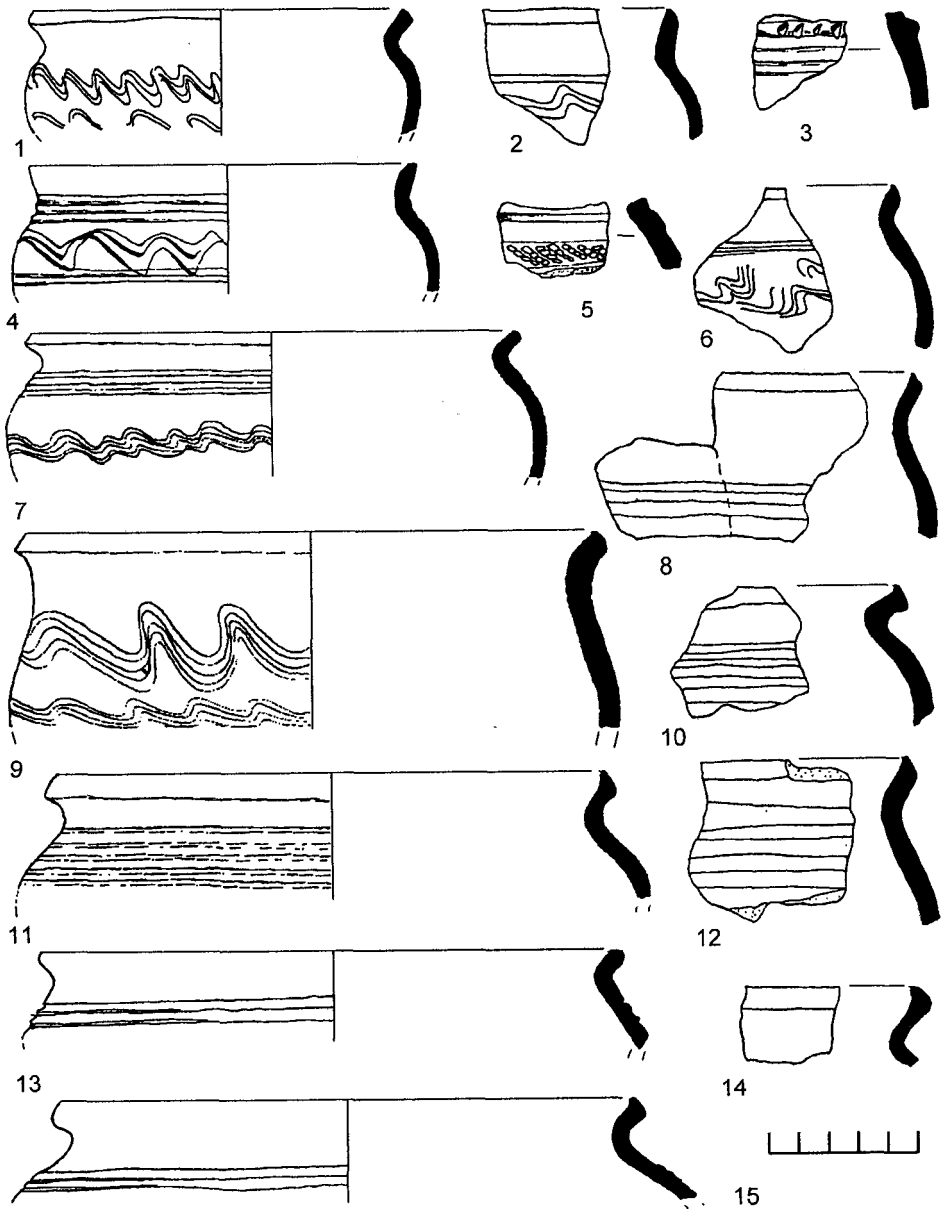

Рис. 13. Гончарная керамика из раскопа 1

Как уже говорилось выше, коллекция керамики, собранная в 1984 г., относилась к яме № 1, которая исследовалась и в 1985 г. (раскоп 1, кв. А-1), но не могла быть раскопана до конца, так как ее западная половина уходила под аллею, ведущую на кладбище. Яма углублена в материк на 0,5 м, заполнена черным и серо-коричневым гумусом. В нижней части заполнения ямы обнаружены исключительно лепные фрагменты. В верхней его части и в слое, непосредственно перекрывающем яму, керамический комплекс смешанный. Все определимые лепные фрагменты относятся к типам 1 и 2.

Помимо «стратифицированного» горизонта 3, некоторое количество лепной керамики содержится в нижней части слоя серо-коричневого гумуса (гор. 2), вместе с ранними для Северо-Запада формами гончарной керамики. Использование лепных сосудов на сельских поселениях верхнего Полужья, как минимум, до рубежа X—XI вв. подтверждается нашими наблюдениями над материалом селищ у дер. Большой и Малый Удрай (раскопки Н. И. Платоновой 1979—1985 гг.). Отметим также, что в рассмотренной коллекции 1984—1985 гг. не представлены лепные сосуды с орнаментом, однако в южной части раскопа 1 (1986 г.) таковые были найдены. Преобладающим видом орнамента на лепной посуде являлись пояски однорядного ямочного или гребенчатого штампа по плечику сосуда (рис. 11: 1—2).

Гончарная керамика представлена сосудами плавной S-видной профилировки с линейным и линейно-волнистым орнаментом (рис. 13: 7, 11). Здесь же в зачистке 1984 г. был обнаружен фрагмент раннегончарного сосуда типа 4, орнаментированного беспорядочной волной (рис. 13: 9).

Выразительный комплекс гончарной керамики происходит из серо-коричневого гумуса в северо-восточной части раскопа 1 (в кв. Г-3). Здесь представлены обломки горшков S-видной профилировки с линейно-волнистым орнаментом, а также фрагмент сосуда с вертикальным венчиком, который в месте перехода к плечику орнаментирован штампом (рис. 14: 1).

В целом, анализ керамики из раскопок Передольского посада играет большую роль в формировании наших представлений о хронологии нижних слоев поселения. В настоящий момент можно констатировать значительную близость передольского керамического комплекса той картине, которая выявляется на раннегородских поселениях Северо-Запада.

В настоящий момент можно отметить, что в рассмотренной части керамической коллекции Передольского посада сравнительно мало представлены типы 3 и 4 — ранние формы раннекруговой керамики, типичные для городских поселений Северо-Запада второй половины X в. Особенно важен единичный характер находок фрагментов сосудов типа 3, свидетельствующий, по-видимому, об отсутствии производства такой столовой керамики здесь, на месте. Но сравнительно малая выборка материала, которую представляет собой коллекция 1984—1985 гг. (северная часть раскопа 1, линии кв. 1—3) пока не позволяет делать на этой основе ответственные выводы.

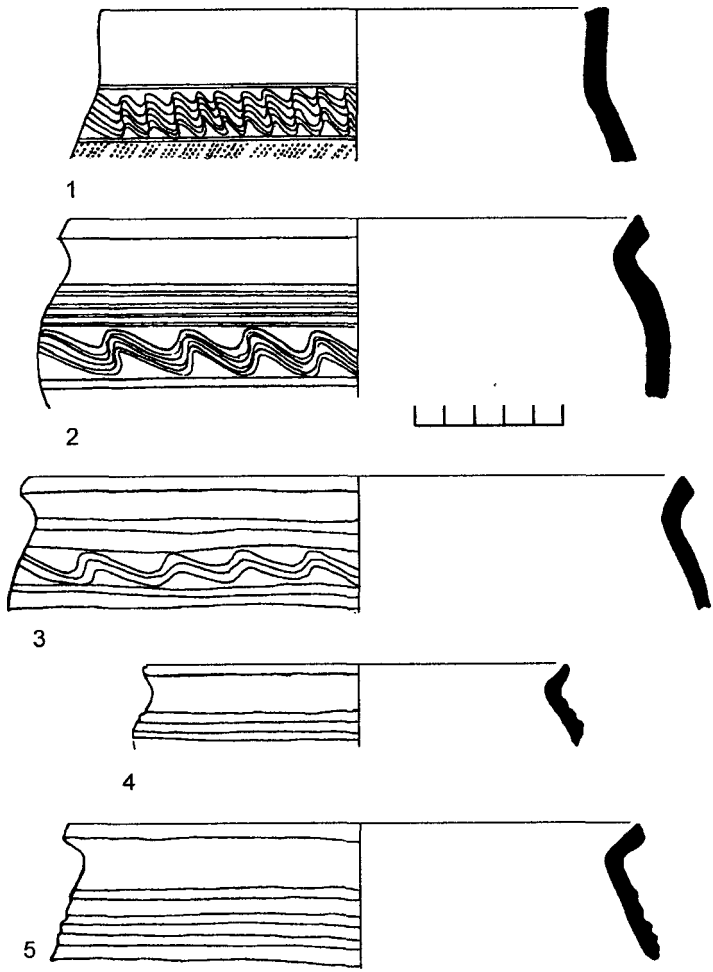

Рис. 14. Гончарная керамика из горизонта 2 раскопа 1 (серо-коричневый гумус): 1,2,4 — кв. Г-3; 3, 5 — кв. В-3)

Индивидуальные находки и их хронология. Список вещевых находок раскопа 1 насчитывает более 400 единиц. «Верхний» раскоп 1а в целом несколько беднее вещевым материалом (особенно, нижние горизонты). Это вряд ли можно объяснить сползанием материала по склону. В раскопе 1а, как и в раскопе 1, выявлены и углубленные комплексы, и отопительные сооружения из камней, так или иначе способные удержать артефакты от подобного сползания. Как уже говорилось выше, различия в характере материала, скорее всего, объясняются особенностями планировки и различными функциями построек одной и той же усадьбы.

В настоящей статье мы даем суммарную характеристику материалов для всех нижних отложений раскопов 1 и 1а, без детальной привязки их к отдельным прослойкам. Это последнее должно стать темой специальной публикации. Следует учесть, что немалое количество хронологически значимых предметов найдено в переотложенном виде, в поздних перекопах и т. д. Рассмотрение коллекции как единого целого и определение диапазона бытования основных категорий вещей позволит нам дать обобщенную характеристику памятника. В первую очередь, мы остановимся на тех категориях вещей, которые имеют более-менее надежные хронологические атрибуции.

Костяные изделия. Коллекция костяных предметов из раскопов на посаде представлена, в первую очередь, обломками одно- и двухсторонних костяных гребней, их футляров, а также шильев, иголок и игольников. Следует отметить, что только в раскопе 1а присутствуют обломки крупных односторонних составных гребней, которые можно отнести к 1 группе по О. И. Давидан (Давидан 1962: 95—103; 1968: 54—63). Это фрагмент боковой накладки гребня, целиком покрытой орнаментом в виде косой «решетки» в рамке из двойных продольных и тройных вертикальных линий (рис. 8: 13) и, с известными оговорками, крупный обломок срединной пластины гребня (рис. 8: 8). Судя по материалам Ладоги, подобные гребни характерны для горизонтов Е, в горизонте Д они единичны. На территории Новгорода (за исключением Рюрикова Городища) находки подобных гребней также редки.[8] Верхняя граница бытования гребней I группы не выходит за рамки X в., возможно ограничиваясь его серединой или третьей четвертью.

---

[8] Л. И. Смирнова (Smirnova 2005: 38—40), анализируя пропорции сечения гребней (именно этот параметр является определяющим при дифференциации 1 и 2 групп), по форме сечения объединяет в одну группу все плоско-выпуклые накладки, в то время как пропорции хронологически значимы для дифференциации накладок с правильным сегментовидным сечением. Опираясь на опубликованные рисунки, можно достаточно уверенно отнести к 1 группе лишь три новгородских гребня: Нер. 27—32—946 (середина X в. — 972 г.); Тр. 15—949 (датирован 968—995 гг.); Тр. 21—1584 (датирован 950—978 гг.) (Smirnova 2005: fig. 3.31: A46, A355; fig. 3. 37: A326).

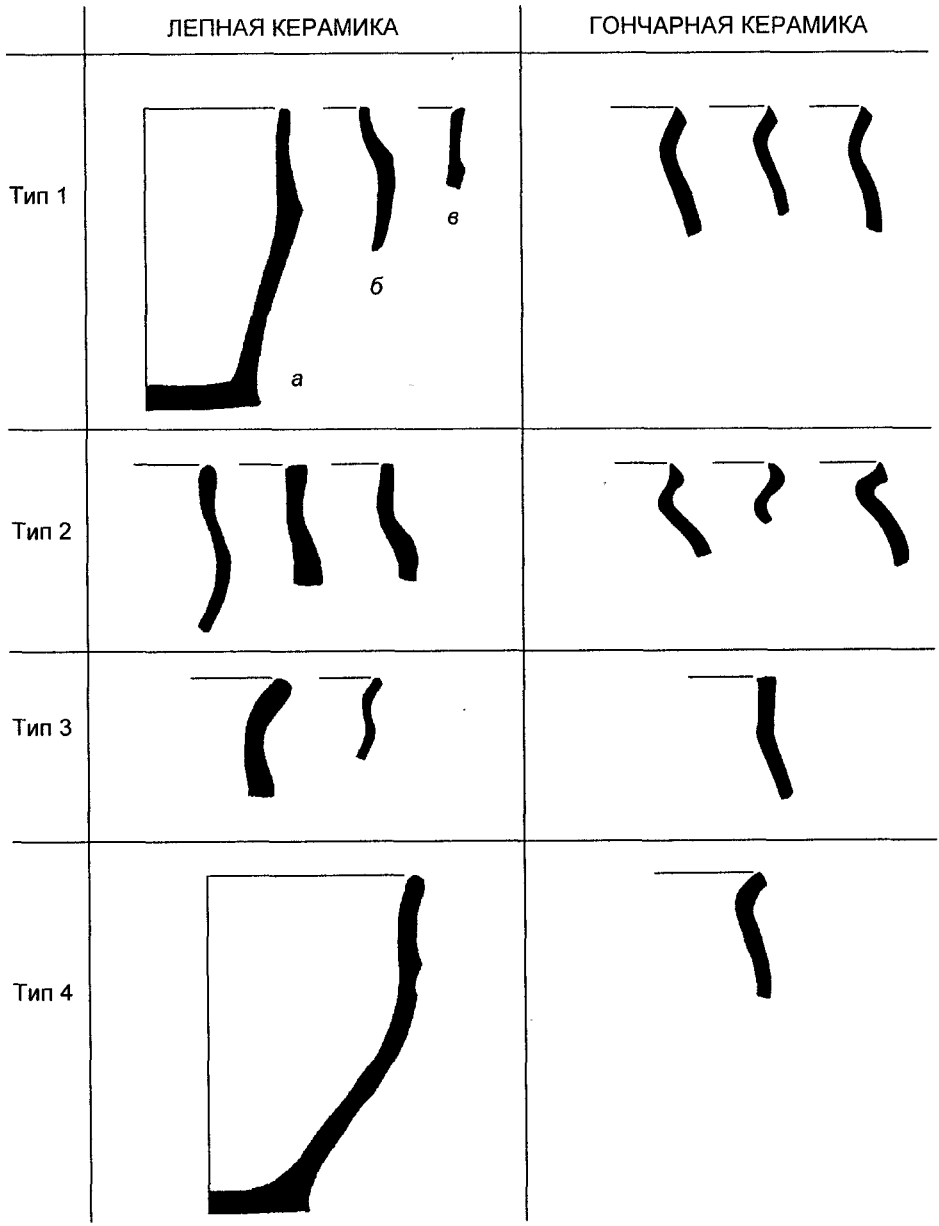

Рис. 15. Типы керамики Передольского погоста

Помимо того, во всех раскопах (включая шурф 1б) встречены обломки более узких, меньших по размерам наборных односторонних гребней (а также футляров для них), которые можно отнести ко 2-й группе по О. И. Давидан. Среди них встречены как неорнаментированные, так и украшенные геометрическим орнаментом из вертикальных и наклонных перекрещивающихся линий (рис. 7: 11,20; 8: 11; 9: 5, 6, 9). Как правило, орнамент расположен зонами. Эти находки датируются по ладожской и новгородской дендрохронологическим шкалам — с конца IX до третьей четверти—конца XI в. (до 1096 г.)[9] (Smirnova 2005: 17—105). Можно отметить один экземпляр из раскопа 1 — обломок накладки футляра, орнаментированной полосой кружкового орнамента и продольными линиями (рис. 8: 12). По О. А. Кондратьевой, такие гребни с кружковым орнаментом датируются в древнерусских памятниках X—XI вв. (Кондратьева 1995: 72—84). Однако следует отметить, что гребни с подобным орнаментом и почти прямоугольным (нередко с лицевой стороны слегка выпуклым) сечением накладок полностью отсутствуют в Бирке и в древнерусских памятниках не позднее X в. В Новгороде, судя по достаточно надежно датированным находкам из Неревского раскопа, они бытуют в 989—1096 гг.

Двухсторонних цельных гребней найдено 3 экз., все в раскопе 1. Два из них орнаментированы продольными линиями (рис. 7: 15), на одном орнамент отсутствует. Два гребня имеют трапециевидную форму, один — прямоугольную. Как показала Л. И. Смирнова (Smirnova 2005), различия в форме трапециевидных гребней (в том числе и почти неотличимых по форме от прямоугольника) определялись в первую очередь использованием разных частей рога лося и не влияют на хронологию. Датируются трапециевидные гребни, судя по многочисленным новгородским аналогам, 989—1268 гг. (при условной синхронизации с ярусами Неревского раскопа) (Колчин 1958: 100—102; 1982: 165—166). Прямоугольный гребень фрагментирован, поэтому его типологическая и, соответственно, хронологическая атрибуция существенно менее определенны: после 989 г.

Обломок костяного цилиндра (скорее всего игольника), орнаментированного линейным и кружковым орнаментом, найден в раскопе 1а (рис. 8: 16).

---

[9] Новгородские даты, указанные с точностью до года, являются условными и соответствуют датам ярусов Неревского раскопа. Хронология второго по размерам и еще не завершенного Троицкого раскопа пока в достаточной мере не разработана (в силу, в первую очередь, существенно более сложной стратиграфии), что существенно ограничивает возможность опираться при датировке вещей на эти находки. Однако, несомненно, территория Троицкого раскопа заселяется несколько раньше Неревского. О возможностях и ограничениях датировки памятников Новгородской земли на основе датировки серийных находок из стратифицированных и дендрохронологически датированных раскопов в Новгороде см.: Лесман 1996 и др.

Подобные игольники достаточно редки и нигде не образуют серий. В настоящий момент имеются сведения о единичных находках в весьма удаленных друг от друга регионах — в Крыму, Белорусии (в Витебске) и на Северо-Западе. Предположительно игольник можно отнести к XII—XIII вв.

Железные изделия. Коллекция железных изделий с Передольского посада включает элементы костюма (подковообразные и поясные пряжки, поясные крючки, кольца и костыльки для подвешивания и пр.), а также предметы домашнего обихода (ножи, шилья, кресала, обломки серпов и пр.), боевого или охотничьего оружия (наконечники стрел) и т. д. Хотя ни одна из этих категорий материала не образует здесь крупной серии, они, несомненно, представляют интерес с точки зрения хронологии и культурной характеристики комплекса.

Кольцо с завязанными концами и прикрепленным к нему костыльковым звеном (рис. 7: 1) датируется по новгородской хронологии (вместе со всеми металлическими завязанноконечными изделиями) периодом не позднее 1197 г.[10] (рис. 7: 1). Древнейшее на Руси кольцо с завязанными концами найдено в самом нижнем горизонте Старой Ладоги. Распространение подобных колец на Руси связано со скандинавской традицией (Лесман 1996а). Подобные кольца с костыльковыми звеньями появляются не позже X в. и широко распространены в Скандинавии эпохи викингов (см. напр.: Arbman 1940: Taf. 113). На Руси они встречаются преимущественно на Северо-Западе.

Железная подковообразная пряжка круглого сечения, со спирально закрученными концами (рис. 7: 10) относится к типу, бытовавшему, по материалам Новгорода, не позднее 1197 г., в то время, как нижняя дата ее уходит в ранний железный век. Изящное калачевидное кресало с узким язычком и сильно отогнутыми, S-образными концами (рис. 7: 22) представляет собой вариант, достаточно редкий на Руси (см. в Новгороде Колчин 1959: 104, рис. 84, 3; в Финляндии см. Kivikoski 1973: 129, Abb. 1008). В целом время бытования на Руси калачевидных кресал с узким язычком определяется в пределах X—XII в., однако не позднее 1177 г. по новгородской дендрохронологической шкале.

Серия наконечников стрел включает шесть экземпляров. В раскопе 1 найдены один двушипный наконечник, происходящий из заполнения подпольной ямы (в Новгороде этот тип датируется не позднее 1134 г.) (рис. 7: 8) и один плоский черешковый ромбический без упора с максимальным расширением в нижней трети пера (рис. 7: 5) — новгородского типа по А. Ф. Мед-

---

[10] Новгородские даты, указанные с точностью до года, являются условными и соответствуют датам ярусов Неревского раскопа. Предлагаемые в статье датировки основаны на данных новейших разработок одного из авторов по новгородской хронологии. В настоящий момент Ю. М. Лесманом подготовлены к печати работы «Хронология ювелирных изделий Новгорода» и «Хронология новгородских бус».

ведеву (Медведев 1959: 155—156, 165—166). Этот тип датируется 1006—1116 гг. В раскопах 1 и 3 найдено два ланцетовидных наконечника с упором (рис. 7: 6). Подобные наконечники появляются в IX в. и бытуют не позднее 1116 г. Два четырехгранных наконечника, один из которых найден в верхнем горизонте камней раскопа 3 (рис. 9: 3), а второй — в раскопе 1а, также относятся к типу ланцетовидных, но к позднему его варианту, известному на севере Европы (преимущественно провинция Даларна в Швеции — см. Serning 1966: Pl. 25. 12, 60. 5). На севере Руси их находки встречаются реже (в частности, известны несколько экземпляров из Довмонтова города в Пскове). Наиболее вероятная дата передольского наконечника — XI—начало XII вв.

Железные поясные крючки, по форме напоминающие «блесну», представлены в нижних отложениях раскопа 1 двумя экземплярами (там же найдено два аналогичных по форме бронзовых крючка с орнаментом типа «волчий зуб»). Подобные изделия (как железные, так и бронзовые) весьма многочисленны в славянских древностях Восточной Германии (показательно их отсутствие на территории Польши, за исключением района Гданьска, в Чехии и Словакии, а также в Скандинавии), где они датируются XI—XII вв. Самые ранние экземпляры, возможно, относятся ко второй половине—концу X в. В меньшем количестве они встречены на Руси. Однако целый ряд находок относится здесь, несомненно, к X в. (городище Монастырек в Среднем Поднепровье, Гнездово, где найдены и заготовки, Городок на Ловати). Встречаются они в Восточной Европе и в XI—XII вв. (с выходом в XIV в.) — в могильниках на Верхней и Средней Волге, в Новгороде, на Карельском перешейке; пять экземпляров найдены в культурном слое Новгорода в слоях XII—XIV вв.[11] Наиболее территориально близкой аналогией является находка в погребении № 1 каменной насыпи могильника Удрай 2, датированном XI в. (раскопки Н. И. Платоновой, 1980 г.). Следует отметить, что петли всех передольских экземпляров пластинчатые, развернутые в плоскости перпендикулярной поверхности крючка, в то время как западнославянские находки, а также все надежно датированные ранние (X в.) восточноевропейские имеют S-видные петли.

Обломок железного ключа с «бородкой» из трех зубцов, найденный на раскопе 3, представляет собой ключ от врезного замка с деревянным засовом. В Новгороде подобные изделия были распространены в период не позднее 1161 г., хотя в Северной Европе они продолжали бытовать и позднее (в русских деревнях эта простая конструкция замка встречается до XX в.) (Колчин 1959: 86—88; 1982: 161—162). Второй ключ, сильно коррозированный, найден в раскопе 1а и может быть предположительно отнесен (по размерам и форме головки) к типу ключей от цельнометаллического сундучного

[11] Ил. 14—23—99; Нер. 12—18—265; Люд. 16—14; Дуб. 20—27; Нут. б. п. 1979 г.

замка. Подобные изделия бытовали в Новгороде, начиная с конца XI в. до высокого средневековья (1096—1369 гг.) (Колчин 1959: 91—94; 1982: 61—62).

Коллекция ножей Передольского погоста включает мало целых изделий. В нижних отложениях встречены, преимущественно, обломки ножей типа 4 по Р. С. Минасяну, изготовленные (судя по тем экземплярам, которые подвергались металлографическому анализу или у которых вследствие коррозии и последующей реставрации уверенно распознается технологическая схема изготовления) по технологии трехслойного пакета и датируемые не позднее 1197 г. по новгородской шкале. Однако в раскопе 1 присутствует и ряд находок более позднего типа, датируемых в Новгороде после 1134 г. (Колчин 1959: 48—52).

Выборочное металлографическое исследование железных изделий из серо-коричневого гумуса раскопа 1 (пять ножей и их обломков, одно шило) и одного изделия из раскопа 3 (наконечник стрелы) было выполнено Л. С. Розановой в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН.[12] В двух случаях из пяти ножи оказались изготовлены по технологии трехслойного пакета (ан. № 5354, 5355), в одном случае использовалась чисто стальная заготовка (ан. № 5356). Были выявлены также технология вварки (1 экз., ан. № 5357) и наварки (1 экз., ан. № 5358) стального лезвия на железную основу. Все проанализированные сварные лезвия изготовлены с последующей закалкой на мартенсит (чисто стальной нож в наиболее науглероженных местах также имел структуру мартенсита).

Ланцетовидный наконечник стрелы из раскопа 3, изученный Л. С. Розановой, оказался откован из простой железной заготовки (ан. № 5359). Видимо, в данном случае твердость металла не имела принципиального значения. Напротив, железное шило из раскопа 1 было отковано из высокоуглеродистой стали, имевшей мелкозернистую структуру (ан. № 5360). В письме Л. С. Розановой к Н. И. Платоновой указывалось: «...Различие в производственной технологии (по сравнению с сельскими поселениями Приильменья IX—X вв. — *Авт.*) достаточно ощутимо. На сельских поселениях, прежде всего, нет технологии трех и пятислойного пакета <...> Безусловно одно, что технология многослойного пакета была достаточно сложна, и применять ее могли только мастера высокого класса, знающие все тонкости искусства сварки железа с высокоуглеродистой сталью». Впрочем, мы не можем пока уверенно утверждать, что ножи, изготовленные в технологии многослойного пакета изготавливались на Передольском поселении, а не привозились сюда.

Изделия из цветных металлов представлены, в основном, украшениями и деталями костюма из сплавов на основе меди. С известной долей условности

---

[12] Авторы выражают глубокую признательность Л. С. Розановой за эту работу.

ниже они именуются бронзовыми (анализы металла, к сожалению, пока не производились).

Бронзовые подковообразные фибулы встречались на Передольском посаде практически повсеместно. В раскопе 1 найдено три спиралеконечных фибулы, диаметром 2—4 см, с неорнаментированной дугой круглого сечения и узким щитком иглы (рис. 7: 18). Эти изделия по новгородской шкале датируются широко — до 1268 г. Подобные украшения известны в Восточной Европе, начиная с раннего железного века. В раскопе 1а найдена фибула со спирально закрученными концами, с четырехгранным сечением дуги, декорированная сплошным бордюром из тонких насечек (рис. 8: 3), что позволяет определить на основе новгородских находок ее верхнюю дату: не позднее 1161 г. Малая спиралеконечная застежка из раскопа 3 имеет треугольное сечение дуги (ребро на верхней поверхности). Она датируется не позднее 1197 г. В раскопе 1 найден обломок подковообразной пряжки с гранчатыми головками и ровным стержнем дуги многогранного сечения (рис. 7: 17). Он также имеет дату не позднее 1161 г. Другой обломок — с четырехугольными гвоздевидными орнаментированными концами, ровной дугой многогранного сечения и шейкой, слегка утончающейся под головкой, датируется по сочетанию этих признаков в пределах 1076—1161 гг. (рис. 7: 14).

Ременная гарнитура представлена пряжками, крючками и накладками. В раскопе 1а встречена одна лировидная пряжка слегка удлиненных пропорций, декорированная по поверхности насечками, расположенными между идущими вдоль краев линиями (рис. 8: 5). По сочетанию признаков она может быть датирована в диапазоне 1096—1197 гг. Обломок другой пряжки из того же раскопа имеет цельнолитой корпус, круглое сечение дуги; основание соединяется с боковой частью так, что образует выступ (рис. 8: 6). Это изделие датируется более широко — 1006—1224 гг.

Бронзовые поясные крючки, уже упоминавшиеся выше, орнаментированы, что позволяет определить их дату несколько точнее, чем для аналогичных железных изделий. Два экземпляра их, найденные в раскопе 1, орнаментированы «волчьим зубом», с одинарными кружками в треугольных чеканах. Такой мотив декора в Новгороде бытовал между 1055 и 1281 гг.

Бронзовая литая ременная накладка с растительным (?) орнаментом из раскопа 1 имела плоскую нижнюю поверхность По этому признаку она может быть отнесена к периоду не ранее 1116 г.[13] Другая накладка неясного назначения была найдена в раскопе 3 (рис. 9: 4). Она орнаментирована по краям двойными гравированными линиями. Накладки такого типа известны на Руси, в Прибалтике и в Скандинавии — в комплексах XI—XII вв.

---

[13] Следует отметить, что этот признак является датирующим для древнерусских изделий, но в Скандинавии такое сечение ременных накладок известно и в более раннее время. Асинхронность связана с различием технологических традиций.

Назначение большой литой накладки неправильно-ромбовидной формы, украшенной кружковым орнаментом (рельефным, углубленным и прорезным), а также зигзагообразной гравировкой (рис. 7: 13), не ясно, но, судя по сохранившимся гвоздикам, она не являлась частью поясной гарнитуры. Ранее одним из авторов уже высказывалось мнение, что перед нами накладка книжного переплета (Платонова 2006, в печати). В Новгороде прорезные накладки появляются после 1076 г.

В нижних слоях раскопов 1 и 1а встречено четыре обломка спиральных украшений — вероятнее всего, не перстней, а накосников (рис. 8: 1—2). Верхнюю дату этих изделий на Северо-Западе установить пока сложно. Аналогии им есть в Ладоге (первая половина IX в.) и в сопках, в том числе в погребении № 10 сопки № 4 у Передольского погоста, раскопанной Н. И. Платоновой в 1995 г. Наиболее вероятной датой указанного комплекса является середина X в. (Платонова 2002: 192). Кроме того, аналогичные предметы встречены в поверхностных кремациях могильников Которска на верхней Плюссе (Кузьмин, Михайлова, Соболев 2000: рис. 3: 9, 11, 12, 21, 22, 28; 11: 10; 12: 12, 14).

Трапециевидные подвески, встреченные на Передольском посаде, относятся к двум разновидностям:

1) Простые неорнаментированные (4 экз., рис. 7: 12) или орнаментированные тонкой пунктирной линией (1 экз.). Были широко распространены на селищах XI—XII вв. (Платонова 1995: 67) и в курганных древностях Северо-Запада. Верхняя дата всех разновидностей трапециевидных подвесок по новгородской шкале — 1238 г.

2) Трапециевидные подвески, орнаментированные рельефными тиснеными линиями по краям (2 экз., рис. 8: 9, 10). Возможно, недоделанный экземпляр такой подвески был найден в раскопе 1. Он был орнаментирован, но не вырезан до конца из тонкого металлического листа и поэтому имеет необычное фигурное завершение верха. Эти изделия отражают сохранение в древнерусском уборе украшений предшествующей эпохи. Аналогии им представлены в Новгородской земле в поздних комплексах культуры длинных курганов и в древнерусском курганном могильнике Боково (раскопки Г. Н. Пронина 1979—1980 гг.). В целом они могут быть датированы IX—началом, возможно, первой половиной XI вв.

Из подвесок-бубенчиков в раскопах на посаде достоверно имеются только крестопрорезные, распространившиеся на Руси в X в. и бытовавшие, по новгородской шкале, не позднее 1161 г. (рис. 8: 15). В раскопах 1—1а представлены также обрывки бронзовых цепочек — как из спиральных колечек (рис. 8: 4), так и обычно именуемых «плетеными», точнее набранных из звеньев S-образной формы, завитки которых развернуты в перпендикулярных плоскостях (рис. 8: 7). Последние появляются в древнерусской культуре как скандинавское заимствование, но затем исчезают, чтобы появиться вновь почти век спустя. В Ладоге они известны с самого раннего периода

(гор. Е-3/3). В Новгороде наблюдается два периода их бытования: 1) до 1025 г.; 2) в диапазоне 1116—1369 гг.

Украшения рук представлены в раскопах 1 и 3 обломками литых ладьевидных браслетов (2 экз.). Один из них имеет орнамент в виде рельефных бороздок и углублений, по-видимому, имитирующих собой плетеный орнамент (рис. 7: 21). По-видимому, это поздний вариант данного типа изделий, датируемый не ранее XI в. (но не позднее 1161 г.). Второй обломок ладьевидного браслета имеет гранчатую головку-утолщение на конце и тоже датируется периодом до 1161 г. (рис. 9: 2). При датировке и культурной атрибуции следует, однако, учитывать, что ладьевидные браслеты (литые массивные с расширяющейся средней частью) подразделяются на две группы, различающиеся оформлением концов. У большинства браслетов (в частности, у найденных на территории Скандинавии) концы не имеют заметного расширения, хотя нередко и оформлены утолщением или выпуклыми валиками. От них отличаются часть браслетов, найденных восточнее Балтийского моря — они имеют приближающиеся по форме к треугольным щиткам расширения на концах (см. например Спицын 1896: табл. IV. 20; Седова 1981: рис. 38. 4; Korkeakoski-Väisänen 1981: T. XI. 4; M. Mägi-Lõugas 1995: 300—302, Joon 16. 1, 2, 4; Хвощинская 2004: табл. CXVIII: 7, 9; CXXII: 8, 10 и др.), и относятся уже к XI—XII вв. Обе передольские находки относятся к первой группе. Помимо ладьевидных, в раскопе 1 был найден обломок витого двухпроволочного браслета, с неутонченными концами (рис. 7: 19). Такие браслеты (для его датировки важно также то, что он не утончается к концам) с неутонченными концами бытуют, судя по новгородским находкам, в 1025—1268 гг.

Перстней в раскопах на Передольском посаде очень мало, причем не всегда можно достоверно отличить проволочный перстенек от перстнеобразного височного колечка или просто кольца для подвешивания. В раскопе 3 найден пластинчатый незамкнутый перстень из почти ровной широкой (более 5 мм) пластины со скругленными, слегка заходящими концами (один конец обломан) (рис. 9: 8). По сочетанию признаков он датируется в диапазоне 1025—1299 гг. Широкосрединный перстень с завязанными концами, пластина которого орнаментирована по краям «волчьим зубом», найден в раскопе 1 (рис. 7: 9). По сочетанию формы, конструкции и орнамента он датируется 1055—1177 гг. по новгородской шкале. В раскопе 1 на границе гор. 1 и 2 найден перстень из светлого оловянистого сплава — круглощитковый, замкнутый, с простым переходом к кольцу. В отличие от предыдущих, это достаточно позднее изделие, датируемое не ранее середины XIII—XIV вв. В тех же отложениях найден обломок проволочной серьги в виде вопросительного знака. Такие серьги широко распространены в Новгородской земле и ряде других древнерусских регионов, являясь заимствованием из культуры монголов (Лесман 1998). Они входят в группу украшений, диагностичных для периода после монгольского завоевания. В Новгороде и Новгородской земле

подобные серьги получают распространение после 1313 г. В некоторых других регионах они известны раньше: в Черной Руси со второй половины XIII в., в Подонье, по-видимому, с середины XIII в. Проволочное украшение с заходящими концами, представляющее собой, скорее всего, перстнеобразное височное кольцо, может быть отнесено к периоду 1025—1268 гг. (рис. 7: 2).

Наконец, следует отметить находку в раскопе 1а обломка большого медного сосуда — кованого, с загнутым венчиком. Такие изделия бытовали в Новгороде после 1096 г.

Монетные находки. Находки монетного серебра были сделаны в раскопах 1 и 3. Примечательным является полное отсутствие в них западноевропейских монет, при наличии арабских. В раскопе 1 встречены обломки саманидских дирхемов: Исмаил-ибн-Ахмад: 892—907 гг.; Наср-ибн-Ахмад: 914—943. В раскопе 3 (точнее, в шурфе № 1 1985 г., вошедшем затем в раскоп 1986 г.) найден под дерном целый дирхем хорошей сохранности (Саманиды, Талиб-ибн-Ахмад, г. Сувар, 949/950 г.).[14]

Стеклянные и каменные изделия. Стеклянные бусы и особенно рубленый бисер являлись наиболее массовой и хронологически значимой категорией артефактов из нижних отложений посада. Кроме того, для датировки древнейших напластований, залегавших непосредственно над предматериком, большое значение имела находка в них обломка сосудика желто-коричневого стекла (предположительно, привозного из Средней Европы), датируемого, по мнению В. А. Галибина, не ранее второй четверти X в.[15]

Классификация и хронология бус раскопов 1 и 3 была впервые рассмотрена в диссертации одного из авторов данной статьи (Платонова 1988а). По ее подсчетам, коллекция бус из раскопа 1, за вычетом изделий XVIII—XIX вв., насчитывает 98 экз., из раскопа 3 — 13 экз. Подсчеты по раскопу 1а в настоящий момент не приводятся, учитывая его незавершенность.

Состав коллекции из раскопа 1 может быть описан следующим образом:

— *бисер рубленый* — 57 экз., из них желтого — 46 экз., синего — 5 экз., зеленого — 5 экз., бесцветного — 1 экз.

— *бисер бусинный* зеленовато-голубой — 1 экз.

— *лимоновидные* — 21 экз., из них желтых одночастных — 7 экз., желтых двухчастных — 3 экз., продольно-полосатых цветных и серых — 7 экз., золотостеклянных одночастных — 1 экз., двухчастных — 1 экз., синих одночастных — 1 экз., синих двухчастных — 1 экз.; рубчатых желтых — 1 экз.

---

[14] Определения И. Г. Добровольского, которому авторы выражают глубокую признательность (к сожалению, уже посмертно).

[15] Находка сделана в раскопе 1, в кв. Г-3, в углистом слое над древней дневной поверхностью. Стекло сосудика имеет состав: Si-K(Na)-Ca(Mg). Анализ выполнен В. А. Галибиным в Лаборатории археологической технологии ЛОИА в 1986 г.

— *бочонковидные заглушенного стекла* — 4 экз., из них печеночно-красных — 2 экз., оранжевых — 2 экз.

— *зонные* — 5 экз., из них классических синих (навивка) — 3 экз., классических зеленых — 1 экз., цилиндрических синих (трубка) — 1 экз.

— *глазчатые* — 5 экз., из них черная со светло-серыми петельками и размещенными в них красными глазками в серых ресничках — 1 экз., черная с синими глазками в белых ободках — 1 экз., черная гладкая — 1 экз., желтые — 2 экз.

— хрустальные шарообразные — 1 экз.

— сердоликовые 14-гранные — 1 экз.

— сердоликовые бипирамидальные — 1 экз.

Коллекция из раскопа 3 (включая находки из шурфов 1985 г.) включает следующие типы бус:

— *лимоновидные* — 7 экз., из них желтых одночастных — 1 экз., синих одночастных — 1 экз., золотостеклянных одночастных — 1 экз., фиолетовых одночастных — 1 экз., серебростеклянных одночастных — 1 экз., серебростеклянных двухчастных — 1 экз., бесцветных одночастных — 1 экз.

— бочонковидные заглушенного стекла печеночно-красные — 1 экз.

— *глазчатые* цилиндрические синие с рельефными глазками — 1 экз.

— *молочно-белые заглушенного стекла* с печеночно-красной волнистой инкрустацией — 1 экз.

— *пронизки эллипсоидные* гладкие полихромные — 1 экз.

— хрустальные шарообразные — 1 экз.

— хрустальные многогранные — 1 экз.

Говоря о хронологии бус, следует отметить, что подавляющее большинство из них относится к типам, появляющимся на Северо-Западе еще в период формирования отложений слоя Е Старой Ладоги, то есть уже бытовавшим к началу X в. (см.: Львова 1968), когда по-видимому, были заселены раскопанные участки. Для этих типов мы указываем (там, где это возможно) лишь их верхние даты на основе новгородской хронологии. Некоторые типы (например, сердоликовые 14-гранные — см.: Рябинин 1995: 58) получают распространение в первой половине X в. (скорее всего во второй его четверти) — для них указана эта нижняя дата. Наконец, для ряда типов на основе новгородских находок можно определить как нижнюю, так и верхнюю дату их бытования. Некоторые группы бус пока не удается надежно датировать, либо из-за малочисленности аналогов в Ладоге и Новгороде, либо из-за необходимости более детальной типологической атрибуции самих передольских находок (в первую очередь бус зонной формы). Бусы, таким образом, по своей датировке можно условно разделить на три хронологических группы:

1.1. Лимоновидные монохромные, кроме желтых (5 экз.) — до 1096 г.

1.2. Лимоновидные рубчатые (1 экз.) — до 1096 г.

1.3. Сердоликовые 14-гранные (1 экз.) — после 860-х, верхняя дата не очень надежна, но бытуют, по крайней мере, до 1096 г.

1.4. Серебростеклянные лимоновидные (2 экз.) — до 1116 г.;

1.5. Бочонковидные печеночно-красные (3 экз.) — до 1116 г.;

1.6. Бочонковидные с глазками из обломков двухслойных палочек-цилиндров (глазки в ободках) (1 экз.) — до 1134 г.;

1.7. Желтые и золотостеклянные лимоновидные (14 экз.) — до 1161 г.;

1.8. Зонно-цилиндрические синие (1 экз.) — до 1161 г.;

1.9. Рубленый бисер (57 экз.) — до 1177 г.;

1.10. Бочонковидные оранжевые (2 экз.) — до 1197 г.;

1.11. Бочонковидные и цилиндрические глазчатые, глазки с ресничками (5 экз.) — до 1313 г, возможно распадаясь на два подпериода: до 1177 г. и 1238—1313 гг.

2.1. Лимоновидные продольно-полосатые (7 экз.) — 2 четверть X в. — 1076 г.;

2.2. Черные бусы с глазками в светлых петельках (1 экз.) — вторая четверть X в. — 1134 г.

3.1. Хрустальные шарообразные (2 экз.) — 989—1268 гг.;

3.2. Сердоликовые бипирамидальные (1 экз.) — 1025—1281 гг.;

3.3. Полихромные эллипсоидные (1 экз.) — 1055—1281 гг.

3.4. Бисер бусинный (1 экз.) — после 1096 г.

В целом, следует констатировать решительное преобладание (92 экз.) ранних типов бус, появляющихся на Северо-Западе не позднее IX в. и бытовавших в большинстве своем до XI или XII вв. Несколько более поздних, но лишь по времени появления (со второй четверти X в.), бус — 8 экз. Еще меньше бус XI—XIII вв. (3 экз.). Следует отметить, что среди рассматриваемых находок отсутствуют достаточно массовые на других древнерусских памятниках (включая и памятники Верхнего Полужья) типы, появляющиеся во второй половине—конце X в. и выходящие из употребления в течение XII в. (бочонковидные и цилиндрические и серебростеклянные, гранчатой формы наборные из палочек с преобладанием стекла оранжевого цвета и др.). Более детальный анализ бус будет произведен в рамках специальной работы, посвященной бусам Передольского погоста, которая включит в себя и материалы раскопа 1а. Планируемая работа предполагает увязку всех находок бус с данными микростратиграфии и анализ их по совстречаемости, что поможет сузить хронологические рамки коллекции и уточнить хронологию нижних отложений Передольского погоста.[16]

Сделанный обзор наиболее хронологически значимых находок на Передольском посаде позволяет отметить следующее. Находки, верхняя дата которых ограничена X в., единичны. Самыми массовыми в коллекции являются

[16] В настоящее время такая работа начата совместно Я. В. Френкелем и Н. И. Платоновой.

артефакты, датируемые начальным периодом русской истории (до середины XII в.). Имеется также значительная серия вещей, бытовавших в узком диапазоне XII в. или в XII в. с выходом в более поздний период. Предметы, существовавшие преимущественно в XI в. (или со второй половины/конца X в. и до начала/середины XII в.), на этом фоне немногочисленны. Следует учесть, что значительная часть описанных выше находок из кости и металлов не распределяется равномерно по всей толще нижних отложений, а принадлежит гор. 2 (серо-коричневый гумус) или самой верхней части гор. 3. Именно этим объясняется значительный процент изделий, датируемых не ранее XI—XII вв. В нижней части гор. 3 предметов из металла и кости было неизмеримо меньше и лишь немногие из них являлись датирующими (как, например, обломки костяных гребней 1 группы по О. И. Давидан в раскопе 1а и двушипный наконечник стрелы в раскопе 1). Хронология нижней части напластований Передольского погоста устанавливается, в первую очередь, по находкам в них изделий из стекла (бус, обломка стеклянного сосудика и пр.). В настоящий момент нижнюю дату посада можно определить в пределах первой половины X в.

Предметы, относящиеся к XIII—XIV вв. и более позднему времени, в раскопах 1—1а единичны, а в раскопах 2—3 отсутствуют полностью. К числу их относятся обломок серьги в виде вопросительного знака, круглощитковый перстень из оловянистого сплава (см. выше), а также ряд находок из верхнего гумуса — пять экземпляров железных обувных подковок, датируемых в Новгороде не ранее XIV в., и навесной замок типа Е по Б. А. Колчину, датируемый не ранее XV в. (Колчин 1959: 83—84, 87, 108, 110, 111; 1982: 160—162). Все это атрибуты позднесредневековой культуры. Малое количество их в коллекции представляется весьма показательным.

Анализ стратиграфии раскопов на Передольском погосте позволяет сделать вывод: они дают нам, если не полностью единообразную, то, по крайней мере, непротиворечивую картину истории поселения. Следует вновь подчеркнуть, что горизонт с лепной керамикой выявляется практически повсеместно на территории, где отмечен культурный слой («черная земля»). Раннекруговая керамика не столь многочисленна, а древнерусская керамика развитых форм (XII—XIII вв. и позднее) представлена лишь на ограниченных участках. Это свидетельствует о том, что на ранних этапах рост Передольского посада шел очень быстро, «взрывообразно», а в дальнейшем интенсивность жизни на нем сократилась, размеры поселения заметно уменьшились.

По-видимому, именно в X в. застройка разрослась до 9 га (считая вместе территорию городища и посада). Такая обширная площадь, присутствие на поселении квалифицированных ремесленников, наличие в слое арабских монет и изящных импортных вещей, наконец — интенсивность накопления культурного слоя (как можно предполагать по его современному состоянию, долгое время сохранявшего характер типичного для восточноевропейских

городских поселений насыщенного органикой так называемого «мокрого слоя» — см.: Лесман 1997; 1998а), с полным правом позволяют нам причислить Передольский погост к числу крупных локальных административных центров Новгородской земли X в.

Оценивая статус поселения в X в., необходимо отметить случайную находку на поселении обломка княжеской геральдической подвески, изготовление которой С. В. Белецкий датирует 988 г., связывая ее с Владимиром Святым (Белецкий 2004: 247, 256, 314). Возможно, эта находка служит указанием, под чьей эгидой шло развитие Передольского поселения, хотя пик его расцвета ко времени Владимира, возможно, был уже пройден.

Следует отметить целую группу находок, как случайных, так и происходящих из раскопов на посаде (см. ниже), находящих себе соответствие в памятниках Северной Европы второй половины X—XII вв. К числу их относятся ланцетовидные наконечники стрел (в том числе четырехгранного сечения, немногочисленных в Восточной Европе), ладьевидные браслеты и железное кольцо со звеном костыльковой цепочки. Все эти предметы имеют широкие аналогии в североевропейских древностях эпохи викингов и перехода к средневековью. Отметим также находки плетеных цепочек и молочно-белых бус с печеночно-красной инкрустацией, являющихся на Руси IX—X вв. несомненным скандинавским импортом (после раскопок 1990-х гг. таких бус на Передольском погосте собрано уже три экземпляра) и др. Можно обозначить и второе направление культурных связей данного поселения, на которое указывает находка среднеевропейского стеклянного сосудика X в.

Период расцвета поселения, по-видимому, был недолог. Уже во второй половине X в. интенсивность жизни на Передольском погосте, по-видимому, пошла на спад, а с XII в. его упадок стал еще заметнее.

Юго-восточный участок поселения и находки 2001 г. На первых порах, резким диссонансом такому выводу прозвучали результаты поверхностных сборов на юго-восточном участке поселения в 2001 г. Находки, происходящие с этого участка, были собраны местными краеведами С. С. и М. С. Алексашиными — на поле, после его глубокой вспашки. Предварительное сообщение об этой коллекции было сделано по горячим следам (Платонова, Алексашин 2002).[17]

Слой, откуда происходили основные находки, представлял собой вывороченные плугом пласты легкого суглинка, резко отличавшиеся от «черной земли» по цвету и структуре. Местами на светлом фоне обнаруживались

[17] В 2001 г. С. С. Алексашиным была составлена опись всех этих находок и осуществлена их приблизительная топографическая привязка к плану-схеме (ориентиром послужили столбы линии ЛЭП). Предоставленные им сведения мы считаем вполне достоверными.

ограниченные пятна более темного слоя, отстоящие одно от другого на 50—100 м. По-видимому, культурные отложения имели тут структуру, обычную для древнерусских селищ с «сухим» слоем. Они были сильно повреждены распашкой и переотложены уже в старину, а в начале 2000-х гг. подверглись интенсивному разрушению в ходе сверхглубокой вспашки. В результате здесь были обнаружены (с помощью металлоискателя) целые серии предметов, датируемых: 1) IX—X вв.; 2) XII—XIII вв.; 3) эпохой позднего средневековья XIV—XVI вв. и нового времени.

Первая (ранняя) группа находок немногочисленна. Она представлена серией из семи монет:

1 — Аббасиды (?), ал-Мутамид, место чекана и год стерты, 870—892;

2 — Аббасиды, ½ монеты, место чекана и год стерты, конец IX—начало X вв.;

3 — Аббасиды, Харун ар-Рашид, 786—809, Мадинат ас-Салам;

4 — Саманиды, Исмаил ибн-Ахмад, аш-Шаш, 898 г.;

5 — Саманиды, Исмаил ибн-Ахмад, аш-Шаш, 899 г.;

6 — Саманиды, ½ монеты конца IX—начала X в., год обрезан;

7 — подражание саманидскому дирхему Исмаила ибн-Ахмада (возможно, на монете, чеканенной в аш-Шаше в X в.).[18]

В эту группу находок входят также малая бронзовая литая круглая фибула со следами позолоты типа IIIC по И. Янссону, бытование которой синхронизируется с ранним периодом Бирки (конец IX — 970-е гг.) (Jansson 1984: 61, 63, 73), и обломок тонкой бронзовой скобки с кружковым орнаментом и сохранившимся острым тонким окончанием (ее целые скандинавские аналоги эпохи викингов симметричны и имеют по два загнутых острых окончания — напр.: из погр. 1 Grävsta 1, Skuttinge sn, Uppland, SHM inv. 19464:1; из погр. 4 Kipplingeberg, Bälinge sn, Uppland, SHM inv. 19512:4 и др.). Два последних предмета имеют близкие аналогии в Северной Европе и датируются средним этапом эпохи викингов (в целом синхронном раннему периоду Бирки). Топография этих находок на поле наводит на мысль о распаханном (монетно-вещевом?) кладе, зарытом, возможно, в X в. к юго-востоку от поселения.

Значительно шире и разнообразнее представлены в коллекции Алексашиных изделия двух более поздних групп (см.: Платонова, Алексашин 2002; Платонова 2006, в печати). Их подробное описание, должно стать темой отдельной публикации. В настоящий момент необходимо лишь кратко упомянуть важнейшие находки, необходимые для культурно-хронологической характеристики памятника. Таковыми являются: серия из пяти древнерус-

---

[18] Определение монет произведено И. Г. Добровольским. Сведения получены от С. С. Алексашина.

ских свинцовых печатей;[19] серия предметов христианского культа, включающая древнерусские изделия XII—XIV вв.

Древнейшая из найденных свинцовых булл (№ 1) относится к первой половине XII в. и является, по мнению В. Л. Янина, посадничьей, а по мнению С. В. Белецкого — княжеской. Печати, подобные № 2—3, с изображением на аверсе композиции «Благовещение», традиционно атрибуируются в литературе князю Всеволоду Мстиславичу и его сыну Ивану. Однако С. В. Белецкий считает, что «...владельцы печатей на тему церковного праздника выступали в своей деятельности от лица храма или монастыря соответствующего посвящения». Указанные буллы, по его словам, «...могли принадлежать «строителям» Благовещенского монастыря в Новгороде (основан в 1170 г.) братьям Илье-Иоанну и Григорию-Гавриилу, занимавшим Софийскую кафедру соответственно в 1163—1186 и 1186—1193 гг.» (Алексашин, Белецкий 2002: 205).

Матрицы буллы, подобной передольскому экземпляру № 4, атрибуированы В. Л. Яниным князю Ярославу Изяславичу, княжившему в Новгороде в 1148—1154 гг. С. В. Белецкий считает такую персонификацию вполне вероятной, но не исключает в дальнейшем и иных трактовок. Наконец, булла № 5, по его мнению, принадлежала великому князю Дмитрию Александровичу, сыну Александра Ярославича Невского (ум. 1294). Более подробную аргументацию всех этих выводов и описание материалов см.: Алексашин, Белецкий 2002; Платонова 2006.

Серия предметов христианского культа древнерусского периода в коллекции С. С. и М. С. Алексашиных включает часть креста-мощевика из светлого металла с декором в виде геометризованного крина (датируется 1177—1313 гг. по новгородской шкале), а также бронзовую иконку-подвеску Богоматери с младенцем (третьей четверти XIII в. по заключению А. А. Песковой).[20] Помимо этих вещей, на пашне в юго-восточной части поселения были найдены обломки бронзовых и оловянных крестиков, датируемых эпохой позднего средневековья и новым временем, а также бронзовая иконка-подвеска Николай-чудотворец (XIX в.).

Статья М. И. Быстрова позволяет идентифицировать описанный юго-восточный участок Передольского посада со вторым участком «церковной земли», занятым в XVIII—XIX вв. усадьбами клира. В ней имеется указание, что причт церкви Покрова Богородицы «жил по дороге (прогону) к реке» (то есть именно там, где расположены раскопы 1—1а), в то время, как «*причт*

---

[19] Эти печати были переданы С. С. и М. С. Алексашиными в Государственный Эрмитаж и ныне хранятся в отделе нумизматики.

[20] Авторы приносят благодарность А. А. Песковой за хронологическое определение этой находки.

главной церкви Николая Чудотворца жил на Новгородской большой дороге (курсив наш. — *Авт.*)» (Быстров 1880: 387). Таким образом, в новое время (и, по-видимому, еще в период новгородской независимости) именно этот участок являлся местом расположения усадеб клира главной приходской церкви.

Исторический комментарий. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в южной и особенно в юго-восточной части Передольского посада сохранились культурные остатки периода поздней Древней Руси и высокого средневековья, которые слабо прослеживаются в центральной части поселения. Безусловно, у С. В. Белецкого были основания в 2002 г., при первом знакомстве с этими новыми находками, «взять под сомнение существующее в научной литературе представление о том, что к середине XII в. поселение на месте Передольского погоста пришло в упадок» и посчитать, что найденная печать кн. Дмитрия Александровича «в определенной мере закрывает хронологическую лакуну между торгово-ремесленным поселением X—XII вв. и историческим Передольским погостом XV—XVI вв.» (Алексашин, Белецкий 2002: 206). Однако в настоящий момент, после ревизии старых материалов и новых полевых работ, есть все основания говорить, что дело обстоит не так просто.

Находки вислых свинцовых печатей XII—XIII вв. недвусмысленно свидетельствуют, что и в этот период Передольский погост оставался звеном системы управления Лужской волостью Великого Новгорода. По-видимому, здесь находилась усадьба, принадлежавшая лицу, отправлявшему в округе административные функции. В ней и хранились документы. Но нельзя не отметить другое: не позднее XII в. весь облик поселения резко изменился.

Как площадь застройки, так и, разумеется, население Передольского погоста в этот период явно сокращаются. Исчезает высококвалифицированное местное ремесло (продукты его в округе сменяются привозными из города?). Если на раннем этапе здесь, по-видимому, постоянно проживали какие-то представители знати («лучшие люди» древнерусских летописей? княжеские люди?), то к концу XII в. они либо стянулись в Новгород, где «делалась большая политика», либо (что вероятнее!) перебрались за своим господином в другое княжество. Вместе с ними, по-видимому, ушли и ремесленники. Как хорошо показали раскопки в Новгороде, на Руси эти две категории населения были теснейшим образом связаны меж собой.

Гипотеза, выдвинутая одним из авторов настоящей статьи в 1991 г., заключалась в том, что в основе всех этих процессов лежали перемены в новгородских порядках владения землей, начавшиеся в первой трети XII в., во время княжения Всеволода Мстиславича (Платонова 1991). Именно тогда началось интенсивное «наступление» на княжеские права и привилегии, в дальнейшем приведшее к полному запрету князю и княжьим людям иметь земельные владения в новгородских волостях. Согласно известию ПВЛ под

947 г., земли по Мсте и Луге были «устроены» в середине X в. княгиней Ольгой, установившей там погосты, оброки и дани. Стоит задаться вопросом: как попало данное сообщение в летописный свод, составлявшийся в Киеве в начале XII в.?

Вопрос не праздный. Следует учесть: *летописная статья 947 г.* в Лаврентьевском и Ипатьевском списках ПВЛ *не является частью эпического предания о княгине Ольге*, которое могло веками сохраняться в устной передаче, обрастая сказочными подробностями, как песнь или сага. Напротив, данное известие, содержащее лишь сухое упоминание о «погостах, оброках и данях», установленных княгиней по р. Мсте и Луге, выглядит совершенно изолированным на фоне поэтических рассказов о мести Ольги за Игоря и ее путешествии в Константинополь — событий, запечатлевшихся в памяти современников и, конечно, долго передававшихся из уст в уста. Что же обусловило сохранность этого известия о старинных княжьих погостах, оброках и данях? На наш взгляд, только одно: на момент составления ПВЛ упомянутые в нем «уставы» княгини Ольги еще не потеряли своей актуальности.

Начало XII в. — это период княжения в Новгороде Мстислава Владимировича — будущего Мстислава Великого, последнего Рюриковича, способного удерживать в своих руках власть и над Севером, и над Югом Руси. И сам этот князь, и его сыновья, княжившие в Новгороде в первой половине XII в., безусловно, обладали правом на земельную собственность в Новгородской земле. Доказательством тому служат их жалованные грамоты новгородским монастырям (Грамоты... 1949: 139—141). Чрезвычайно интересным представляется анализ одной из таких грамот (на «Терпужский погост Ляховичи», 1134 г.), произведенный Е. Н. Носовым. Анализ исторической географии и археологических памятников, расположенных на территории княжеского «пожалования», привел исследователя к выводу, что «княжеское владение на Ловати вторично по отношению к земледельческим поселениям и сформировалось на том участке, который ... оставался еще свободным в начале II тыс. н. э.» (Носов 1997: 100).

Не следует ли из этого, что в предшествующий период (XI в.? начало XII в.?) имела место *активизация* княжеских усилий по захвату и освоению «свободных» земель? Так или иначе, к 1130-м гг. успел сформироваться некий фонд княжеских владений, преимущественно, по окраинам волостей, освоенных в X в. «сопочным» населением. Степень разработанности этих участков в земледельческом плане могла быть различной (ср.: княжеские волостки Буйце и Терпужский погост Ляховичи). Но в целом, география волосток, пожалованных новгородским монастырям в первой половине XII в., указывает на то, что князьями «приватизировались», в первую очередь, участки вдоль водных и сухопутных путей, важные в стратегическом отношении (Носов 1994: 41—56; 1995: 99—100). Однако уже во второй трети XII в. начи-

нается постепенная передача их в руки новых, новгородских владельцев — на первых порах добровольная, путем пожалования.

Вопреки мнению Б. Д. Грекова и его последователей, последующий запрет князю и его людям владеть землей в Новгородчине не был единовременным «революционным» преобразованием 1136 г. В. Л. Янин вполне убедительно показал, что процесс этот, в действительности, растянулся на десятилетия (Янин 1977: 60—79). Но так или иначе, на протяжении второй трети XII—первой половины XIII вв. князья постепенно ограничивались в правах.

Имеет ли все это отношение к землям по р. Луге? На наш взгляд: да, имеет. Лужские погосты маркировали собой начало Лужского (как водного, так и «горнего», сухого) пути из центра Новгородских земель непосредственно к Финскому заливу, минуя Ладожское озеро. Кроме того, в районе Передольского поселения находился перекресток зимних и летних путей по мелким речкам в р. Шелонь и в Псковскую землю. Стратегическое значение этих территорий несомненно. Правда, в данном случае мы имеем дело не с «окраинными» волостками, а с землями первоначального земледельческого освоения. Но не являлся ли рассказ об Ольгином «устроении», сохраненный летописью, свидетельством некого *особого статуса* этих земель — той самой «стариной», что лежала в основе княжеских владельческих притязаний? Рискнем предположить: именно поэтому он не был забыт, а передавался из поколения в поколение и даже попал в киевский летописный свод.

Если наши предположения справедливы, период середина—вторая половина XII в., действительно, должен был явиться переломным для локальных центров, служивших, до поры, до времени, опорой княжеской власти в Новгородской земле. Однако центральное положение, естественно занимаемое Передольским поселением в пределах крупной земледельческой волости, обусловило сохранение за ним ряда административных функций — уже на иной основе.

В настоящий момент у нас нет данных о времени строительства первой приходской церкви на Передольском погосте. Однако появление там церкви (на первых порах деревянной) в очень ранний период (XII—XIII вв.) кажется вполне правдоподобным. Об этом свидетельствуют находки древнерусских христианских древностей указанного периода, сделанные на участке, чья традиционная принадлежность церкви представляется очень вероятной. Это позволяет поставить вопрос о возникновении здесь уже в древнерусское время *приходского центра*, который одновременно мог служить звеном административного управления. В этом смысле находка тут двух владычных булл второй половины XII в. (№ 2—3) кажется весьма знаменательной.

Именно с этого периода центры приходов могли стать одним из основных звеньев административного управления Новгородской землей, что вполне согласуется с усилением роли владыки в государственном устройстве Новгорода. Не тут ли следует искать объяснение административному делению

основного ядра Новгородчины на погосты-округа? К XIV—XV вв., когда большая часть новгородских земель уже оказалась в руках частных владельцев, оно, в известной мере, стало анахронизмом. Для более раннего времени (IX—X вв.) формирование такой системы выглядит еще проблематичнее. Если предположить, что в какой-то период эта церковно-погостская система реально начала работать, то таким периодом может быть, скорее всего, хронологический отрезок середины XII—XIII вв. Впрочем, не исключено, что роль церковных округов (зафиксированная писцовыми книгами московского времени) могла быть не столько административной, сколько учетно-фискальной — ср. аналогичную приходскую структуру, сохранявшуюся в Северной Европе до XX в.).

Подводя итоги, можно сказать следующее. Новооткрытые передольские древности позднедревнерусского времени, действительно, можно рассматривать, как «мостик» между торгово-ремесленным поселением «княжеского» периода и историческим погостом XV—XVI вв. Однако предполагаемый «церковно-административный» центр второй половины XII—XIII вв. очень мало походил на тот «протогород», каким являлось Передольское поселение времен княгини Ольги или даже на меньший по масштабам локальный центр времен Владимира Святого и первых поколений его преемников. Вероятно, в указанный период здесь остались лишь усадьбы «церковных людей», представлявших приходскую администрацию. Характерно, что их дворы оказались вне пределов застройки X—первой половины XII вв. — на юго-восточной границе старого поселения, постепенно приходившего в упадок.

Высказанное предположение, на наш взгляд, является наиболее непротиворечивым вариантом объяснения накопившихся археологических материалов. Разумеется, гипотеза о возможном преобразовании системы погостов в XII—XIII вв. носит пока предварительный характер. Но источниковедческая база по проблеме протогородских поселений X—XI вв. в Новгородской земле, так и не ставших городами, будет разрабатываться далее. Последующее накопление фактов, обработка уже имеющихся материалов и всесторонний анализ как топографии поселений, так и отдельных категорий вещей помогут более детально соотнести хронологию этих памятников с историческими событиями.

Алексашин, Белецкий 2002 — *Алексашин С. С., Белецкий С. В.* Сфрагистические памятники Передольского погоста // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 204—207.

Белецкий 1996 — *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб., 1996.

Белецкий 2004 — *Белецкий С. В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. СПб., 2004. С. 243—319.

Быстров 1880 — *Быстров М.* Остатки старины близ Передольского погоста, Лужского уезда, Санкт-Петербургской губернии (описание курганов и кладбищ этой местности) // Известия Императорского Русского Археологического общества. СПб., 1880. Т. 9, вып. 4. С. 381—410.

Горюнова 2002 — *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и Старой Ладоги // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002.

ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Давидан 1962 — *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. № 4. Л., 1962. С. 95—108.

Давидан 1968 — *Давидан О. И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // АСГЭ. № 8. Л., 1968. С. 54—63.

Ефимова 1977 — *Ефимова Н. А.* Лепная керамика из полуземлянок Городца под Лугой // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 98—101.

Жеглова 1995 — *Жеглова Т. А.* Керамика городища Передольский погост // Ладога и Северная Русь. СПб., 1995. С. 29—31.

Исланова 1997 — *Исланова И. В.* Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997.

Кирпичников 1983 — *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1983.

Колчин 1958 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 1. С. 92—111.

Колчин 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. Вып. 65. С. 7—120.

Колчин 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156—177.

Кондратьева 1995 — *Кондратьева О. А.* Средневековые гребни с кружковым орнаментом из древнерусских находок // Проблемы истории северо-запада Руси. Славяно-русские древности. № 3. СПб., 1995.

Конецкий 1991 — *Конецкий В. Я.* Комплекс памятников у д. Нестеровичи // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1991. С. 89—116.

Королькова 2003 — *Королькова Л. В.* Гончарная керамика из раскопок селища Петровское-3 (р. Сясь) // Новгород и Новгородская земля. Великий Новгород, 2003. С. 287—292.

Кузьмин, Михайлова, Соболев 2000 — *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. А.* Могильник Которск IX — кладбище населения Которского погоста // Stratum *plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. С. 70—82.

Лесман 1996 — *Лесман Ю. М.* Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки) // Archeologia Petropolitana. V. 1. СПб., 1996. С. 52—65.

Лесман 1996а — *Лесман Ю. М.* Двойной узел в средневековых ювелирных изделиях Восточной Европы // Ювелирное искусство и материальная культура: Тезисы докладов участников второго коллоквиума. СПб., 1996. С. 35—37.

Лесман 1997 — *Лесман Ю. М.* Парадокс древнерусской Ладоги // Ладога и религиозное сознание. Материалы к третьим чтениям памяти Анны Мачинской СПб., 1997. С. 27—34.

Лесман 1998 — *Лесман Ю. М.* Монгольское завоевание в зеркале ювелирных украшений Новгородской земли // Славяне и кочевой мир. Средние века—раннее Новое время: Тезисы 17 конференции «Славяне и их соседи». М., 1998. С. 78—81.

Лесман 1998а — *Лесман Ю. М.* Культурный слой поселений и характер вещевого комплекса // Поселения: среда, культура, социум: Материалы тематической конференции. СПб., 1998. С. 26—33.

Львова 1968 — *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. I: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Л., 1968. Вып. 15. С. 83—104.

Медведев 1959 — *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959. С. 121—191.

Носов 1994 — *Носов Е. Н.* Новгородская волость Буйцы (историко-археологический комментарий) // ВИД. 1994. Вып. XXV. С. 41—56.

Носов 2002 — *Носов Е. Н.* Еще раз о грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков, 2002. Т. II. С. 96—100.

Носов, Горюнова, Плохов 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья (новые материалы и исследования). СПб., 2005.

Платонова 1985 — *Платонова Н. И.* Новые исследования древнерусских поселений в Новгородской земле (к вопросу о сельском домостроительстве) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 65—70.

Платонова 1988 — *Платонова Н. И.* Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Платонова 1988а — *Платонова Н. И.* Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. НА ИИМК РАН, РА, ф. 35—2д, д. 419. 1988.

Платонова 1991 — *Платонова Н. И.* Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991. С. 72—79.

Платонова 2001 — *Платонова Н. И.* Инвентарь и датировка погребений в каменных ящиках в сопке № 4 у Передольского погоста // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. СПб., 2001. С. 112—117.

Платонова 2002 — *Платонова Н. И.* О погребальном обряде Новгородских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 181—195.

Платонова 2006 — *Платонова Н. И.* Передольский погост: поиски, находки, проблемы // Старая Русса и Приильменье в контексте древнерусской культуры — от тысячелетия к тысячелетию. Проблемы археологии и комплексного источниковедения. Великий Новгород, 2006.

Платонова, Алексашин 2002 — *Платонова Н. И., Алексашин С. С.* Новые находки на Передольском погосте (перспективы дальнейших исследований) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 208—210.

Плохов 2002 — *Плохов А. В.* Лепная керамика Рюрикова городища и Новгорода // Археологические вести. № 9. СПб., 2002. С. 141—154.

Рябинин 1995 — *Рябинин Е. А.* Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии) // Ладога и Северная Русь. Материалы к чтениям, посвященным памяти Анны Мачинской. СПб., 1995. С. 56—61.

Рябинин, Дубашинский 2002 — *Рябинин Е. А., Дубашинский А. В.* Любшанское городище в нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 196—203.

Седов 2002 — *Седов В. В.* Изборск — протогород. М., 2002.

Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.

Сениченкова 1998 — *Сениченкова Т. Б.* Керамика Старой Ладоги: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.

Смирнова 1974 — *Смирнова Г. П.* О трех группах новгородской керамики // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 17—22.

Спицын 1896 — *Спицын А. А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20. СПб., 1896.

Хвощинская 2004 — *Хвощинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли: По материалам могильника Залахтовье. СПб., 2004.

Янин 1977 — *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka. Bd I. Tafeln. Uppsala, 1940.

Jansson 1984 — *Jansson I.* Kleine Rundschpangen // Birka. Bd II: 1. Stockholm, 1984.

Kivikoski 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finlands. Helsinki, 1973.

Korkeakoski-Väisänen 1981 — *Korkeakoski-Väisänen K.* Manner-Suomen vikinki- ja ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornamentiika // Karhunhammas 5. Turku, 1981.

Mägi-Lõugas 1995 — *Mägi-Lõugas M.* Eesti vikingiaegsed käevõrud ja nende ornament // Muinasaja teadus. (3). Tallinn, 1995. S. 271—317.

Platonova, Kashkevich, Anisimov, Blokhin 2003 — *Platonova N. I., Kashkevich V. I., Anisimov A. A., Blokhin N. N.* The new investigations of «Shum-Gora» // European Association of archaeologists. 9-th Annual Meeting. 10—14 September 2003. Final Programme and Abstracts. St.-Petersburg, 2003. P. 42—43.

Serning 1966 — *Serning I.* Dalarnas Jarnalder. Stockholm, 1966.

Smirnova 2005 — *Smirnova L.* Comb-Making in Medieval Novgorod (950—1450) // British Archaeological Reports. International Series 1369. Oxford, 2005.